

84(3)
В38

Анне-Кам.
Вестли

**УЛЕ-АЛЕКСАНДР
И ЕГО ДРУЗЬЯ**

ГЕРОИ
ВСЕЛЫХ ИСТОРИЙ
ПРО ПАПУ, МАМУ,
БАБУШКУ, ВОСЕМЬ ДЕТЕЙ
И ГРУЗОВИК

СНОВА С НАМИ!

Анне-Кам.
Вестли

**УЛЕ-АЛЕКСАНДР
И ЕГО ДРУЗЬЯ**

Повести

Перевод с норвежского *Ольги Дробот*
Стихи в переводе *Марины Бородицкой*

Художник *Вадим Челак*

Москва
«Махаон»

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)
В38

Anne-Cath. Vestly

OLE ALEKSANDER FILIBOM-BOM-BOM
1953

OLE ALEKSANDER PÅ FARTEN
1954

Вестли А.-К.

В38 Уле-Александр и его друзья : повести / Анне-Кат. Вестли ; пер. с норв. О. Дробот ; стихи в пер. М. Бородицкой ; ил. В. Челака. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2021. – 160 с. : ил.

ISBN 978-5-389-18212-7

Знакомьтесь, это Уле-Александр по прозвищу Тилибом-бом-бом. Но если его мама торопится, она называет его просто Уле-Александр – для краткости. Уле-Александр живёт в самом высоком доме в Осло, и на дне рождения, когда ему исполнилось пять лет, у него в гостях было целое племя индейцев! Уле-Александр умеет находить друзей, и вообще с ним всегда весело.

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)

Ole Aleksander Filibom-bom-bom and the following copyright notice:
Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1953 [All rights reserved.]

Ole Aleksander på farten and the following copyright notice:
Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1954 [All rights reserved.]

© Дробот О. Д., перевод на русский язык, 2021

© Бородицкая М. Я., перевод стихов на русский язык, 2021

© Челак В. Г., иллюстрации, 2021

© Издание на русском языке. Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
Machaon®

ISBN 978-5-389-18212-7

УЛЕ-АЛЕКСАНДР ТИЛИБОМ-БОМ-БОМ

УЛЕ-АЛЕКСАНДР ТИЛИБОМ-БОМ-БОМ

В одном большом-пребольшом городе был высокий-превысокий дом. С чердака ему было видно все крыши города до самых окраин, и дом распирало от гордости.

И так он важничал, что говорил сам себе: «Ого, какой же я огромный и высоченный. Выше меня во всём городе ни одного дома нет. А сколько удивительного внутри меня! В подвале прачечная, на первом этаже – магазин. Мало того, у меня лифт есть. Да-да, такой я роскошный, что во мне есть и лестница, и лифт, и когда кабинка ездит вверх-вниз, она так приятно щекочет меня сверху донизу, что я хихикаю: “хи-хи”. А какие люди во мне живут! О-го-го! И все они меня любят, но больше всех мной восхищается малыш с седьмого этажа».

В этом дом был прав, потому что маленький мальчик с седьмого этажа жил тут с рождения. А это долго-предолго, ведь мальчику стукнуло уже четыре с половиной года.

Он жил с мамой, папой и чёрным пуделем по кличке Пуф. А самого мальчика звали Уле-Александр Тилибом-бом-бом. То есть его, конечно, звали просто Уле-Александр, но однажды он гулял

у королевского дворца, а там играл оркестр, и все барабаны и трубы выбивали и выводили «тилибом-бом-бом» специально для Уле-Александра. Он вернулся домой и сказал маме, папе и пуделю Пуфу, что отныне его зовут Уле-Александр Тилибом-бом-бом. «Это очень длинное имя, – ответила мама. – Давай договоримся, что иногда я буду называть тебя просто Уле-Александр – если у меня совсем нет времени». И мы тоже будем называть его просто Уле-Александр, но только если не хватает времени.

Утром Уле-Александр просыпался из-за того, что во дворе что-то скребло и скрипело: шуук-шквак-швык. Догадался, кто это шумел? Ну да, это мусорщики высыпали в машину мусор из баков. Уле-Александр вскакивал и стрелой нёсся к окну – посмотреть. Маленькие мусорщики сновали где-то далеко внизу. Сами в комбинезонах, кожаных фартуках и в длинных чёрных перчатках. Они поднимали большие тяжёлые мусорные баки, взваливали их на спину, тащили и вытряхивали в мусорную машину. И пока работали, всё время громко пели, а эхо им подпевало:

ПЕСНЯ МУСОРЩИКОВ

– Мы мусор убираем,
Мы мусор собираем,
Мы мусор забираем
Из дома и двора.
Без нас, любому ясно,
Была бы жизнь ужасна,
А с нами всё прекрасно –
Ура, ура, ура!

Ах, мусорные баки,
В них обитают бяки,
Обрывки и каляки,

Объедки и старьё...
А мы мешок накинём,
Помойку опрокинем,
Завяжем аккуратно –
И увезём её!

И в каждом переулке,
И в каждом закоулке
Проказники мальчишки
И даже малыши
Нас очень уважают,
Встречают-провожают,
И ты нам из окошка
Рукою помаши!

Вот мусорщики управились и уже сели в машину, чтобы ехать дальше, как вдруг зад машины стал подниматься.

– Мама! – закричал Уле-Александр. – Беги сюда – мусорная машина хочет встать на голову. Что это с ней?

– Они хотят утрясти мусор, чтобы в машину больше влезло, – объяснила мама.

– Вот бы она весь день так простояла! – с восторгом сказал Уле-Александр Тилибом-бом-бом.

Но не тут-то было. Машина опустила кузов и уехала.

– Можешь уже папу будить, – разрешила мама.

Уле-Александр тихо подошёл к папиной кровати и, очень стараясь, сказал тихо, как пай-мальчик:

– Папа, надо просыпаться.

Папа знай себе сопел и похрапывал. Пришёл Пуф.

– Гав-гав, – сказал он, но, поскольку это не помогло, Пуф решительно запрыгнул на кровать и стал лизать папу в нос. И папа проснулся! Папа большой, толстый, а пижама у него синяя в полоску.

– На зарядку становись! – сказал папа. – Руки вверх, раз-два!

Он взбодрился, но ещё не проснулся толком, и глаза почти не разлеплялись, но он старательно пыхтел, дышал, тянулся и делал наклоны, а мама стояла рядом и вращала руками. Уле-Александр посмотрел на маму с папой и тоже стал делать зарядку. Один Пуф носился между ними, гавкал, махал хвостом и считал, что это все с ним играют.

Они позавтракали, и папа заторопился на работу. Мама, Уле-Александр и Пуф стояли у окна и махали ему, пока он не скрылся из виду, а папа махал им в ответ, пока мог разглядеть их красивый высокий дом.

Однажды мама сказала Уле-Александру Тилибом-бом-бому:

– Сходи, пожалуйста, в наш магазин внизу. Мне надо много чего, так что возьми корзинку. Вниз иди пешком, а наверх можешь проехать на лифте.

– Да, на лифте, – сразу откликнулся Уле-Александр.

– Один не езд. Дождись взрослого и заходи в лифт вместе с ним, – сказала мама и стала перечислять, что нужно купить. Она назвала всё два раза, и Уле-Александр всё повторил. Он поставил корзинку на голову и помчался вниз по лестнице. Пока он бежал, сочинял песенку, чтобы запомнить все покупки.

– Я маме помогу!

Я всё купить смогу:

Две пачки маргарина,

Батон хрустящий длинный,

Пшеничную муку

И хлопья к молоку,

Корицы ароматной

И зелени салатной...

Для мамы в магазин

Иду совсем один,

Тра-ля-ля-ля!

И так с песней он быстро добежал до магазина. Там была очередь к прилавку. Но Уле-Александр только рад был постоять в магазине подольше: тут столько интересного, аж глаза разбегаются. Вот машина привезла молоко, и рабочий тащит целый ящик с бутылками, поставив его на плечо. Только он хотел переступить порог, как одна дама устремилась на выход. Хопс-хупс, бомс-бумс – авария. Они столкнулись, бутылки посыпались. И вот уже разносчик сидит с пустым ящиком на голове, а покупатели поднимают с пола неразбившиеся бутылки. А ещё одна тётя так перепугалась, что залезла на хлебный прилавок и стояла там, даже когда пол вымыли и навели полный порядок.

– Дорогая моя, пора слезать, – дружелюбно сказала ей продавщица, – не то придётся мне продать вас вместе с хлебом и плюшками.

Все посмеялись шутке, но дама на прилавке только разозлилась.

– Я не могу спуститься, – фыркнула она, – я не знаю, как сюда залезла.

Тут очнулся разносчик, всё это время сидевший на полу с ящиком на голове.

– Минуточку, – сказал он и подошёл к прилавку. – Полезайте ко мне на спину, сейчас разберёмся.

Делать нечего, пришлось даме залезть на закорки к разносчику. Он хохотал, все смеялись, только дама не улыбалась. Разносчик наслаждался катавасией и дал лишний кружок по магазину. Наконец он бережно спустил даму на пол. Лицо у неё было сердитое. Не сказав ни слова, она пулей выскочила за дверь.

Разносчик притащил новый ящик молока, и продавщица снова стала отпускать товар. Когда очередь дошла до Уле-Александра, оказалось, он забыл, что ему надо. «Литр муки и два метра маргарина», – сказал он, но дальше вспомнить не мог. И тут, по счастью, ему пришла на ум его песенка. Уле-Александр пропел её продавщице, она внимательно выслушала и принесла всё по списку.

– Как ты потащишь всё наверх? – спросила она.

– Положу покупки в корзину и повезу на лифте, – ответил Уле-Александр.

– Тогда я посажу тебя в лифт, – сказала продавщица. Она проводила его до лифта и открыла дверь. – Ты такой молодец, что уже сам на лифте едешь? – спросила она.

– Да, – браво ответил Уле-Александр Тилибом-бом-бом. Очень по-взрослому, как ему показалось.

Дверь закрылась. Уле-Александр впервые в жизни остался в лифте один. Конечно, он тысячу раз ездил на лифте с мамой и папой. Но один – ещё никогда. Он посмотрел на колонку кнопок на стене. Уле-Александр помнил, что надо нажать кнопку, но плохо помнил, какую именно.

«Я живу наверху, – размышлял он, – но не выше всех, над нами есть соседи». Он встал на цыпочки и потянулся. Но как ни старался, дотянулся лишь до самой нижней кнопки. Тогда он вытряхнул все покупки из корзины, положил её на бок и взобрался на неё. Теперь он был гораздо выше и нажал на кнопку где-то сверху. Лифт загудел, задудел и поехал. Он гремел и дёргался, и Уле-Александр очень гордился и чуточку боялся, но не сильно. Лифт остановился. Уле-Александр открыл дверь и вышел на площадку. Э нет, он живёт не здесь. «Не ту кнопку нажал», – подумал Уле-Александр, вернулся в лифт и нажал другую кнопку.

– Поехали! – сказал он лифту, и тот поехал.

«Вот такой у меня лифт дрессированный, – подумал довольный Уле-Александр Тилибом-бом-бом, – как я говорю, так и делает».

Лифт снова остановился. Сквозь стеклянные дверцы Уле-Александр увидел на площадке трёх сердитых дяденек. Они наверняка злились, что лифт катается, а они ждут. Об этом Уле-Александр раньше не подумал, а теперь испугался их грозного вида, нажал кнопку, и лифт устремился вниз.

«Самое надёжное – ездить без остановки», – решил Уле-Александр. И теперь, стоило лифту остановиться, он нажимал новую кнопку, и лифт уносился вверх или вниз.

«Ой-ой-ой! – хихикал дом. – Совсем меня защекотали!»

От этой езды туда-сюда Уле-Александра укачало. Теперь он нажимал на новую кнопку не глядя. И вдруг всё вокруг загудело и замигало. Это Уле-Александр случайно нажал кнопку «СОС»! Поднялся страшный шум и вой, Уле-Александр вконец смутился, перепугался и быстро нажал другую кнопку. На ней было написано «СТОП», но Уле-Александр не знал букв и прочитать не мог. Лифт замер между этажами. Теперь перед глазами Уле-Александра была глухая кирпичная стена. Он сел на пол лифта и зарыдал в голос.

Испуганные жалобными криками, из всех квартир выскочили жильцы и побежали смотреть, что случилось.

Бедная мама Уле-Александра, как же она себя ругала!

– Наверняка это мой малыш застрял в лифте, – горевала она. – Что же делать? Как же быть?

К счастью, в большом доме был лифтёр. Он услышал сирену и взбежал по лестнице на самый верх. В две секунды он всё наладил и вызвал лифт.

Уле-Александр так заплакался, что заснул среди разбросанных по полу покупок. Лифт остановился на последнем этаже, и лифтёр распахнул дверь.

– О Уле-Александр Тилибом-бом-бом! – сказал он. – Да у тебя тут прямо домик на одного. Просыпайся, дружок, поедем к маме.

Когда лифт приехал на седьмой этаж, Уле-Александр от радости стал скакать и прыгать. Но потом увидел маму и снова расплакался. Он уткнулся лицом в её фартук и всё плакал и плакал и не мог остановиться.

– Уле-Александр Тилибом-бом-бом, – сказала наконец мама, – если ты не перестанешь плакать, случится наводнение, и дом затопит.

И Уле-Александр затих в ту же секунду. Он очень любил свой высокий красивый дом и не хотел его испортить.

В ПАРКЕ

До обеда Уле-Александр всегда гуляет в парке с прогулочной группой. Вот и в тот день, когда он ходил за молоком и один ездил на лифте, надо было собираться в парк. Уле-Александр надел два свитера, комбинезон, поверх него широкие ярко-жёлтые непромокаемые штаны на лямках, шапку, шарф и варежки. На спине он нёс красный рюкзачок, а в нём лежала коробка с завтраком и бутылка молока.

Идти до парка им с мамой было совсем недалеко, но шли они всегда долго, потому что кругом было очень много интересного

и глаза разбегались. Мимо ехали трамваи и автобусы, грузовики и легковушки, такси, пожарная машина и полицейская, «скорая помощь», поливалки и мусоровозы, мотоциклы, простые велосипеды и трёхколёсные и ещё лошади. Уле-Александр смотрел вокруг во все глаза и не мог насмотреться.

Они шли-шли и пришли в парк, тут много старых высоких деревьев, среди них проложены уютные тропинки. По дорожкам гуляют ярко-жёлтые прогулочные штаны с запакованными в них мальчиками и девочками.

– В прогулочную группу
Мы ходим по утрам,
Прогулочная группа –
Спасение для мам.
Ведь папы на работах,
Они вернутся в пять,
А мамы все в заботах,
Когда же им гулять?

Ну мы, конечно, тоже
Без дела не сидим:
То камни в кучку сложим,
То в дудки подудим.
Ещё мы башни строим,
Роняем в пруд мячи,
В песке тоннели роим
И лепим куличи.

Ещё побегать надо
И бутерброды съесть:
Мы шустрые ребята,
И дел у нас не счесть.
То прятки, то вигвамы –

Мы всё хотим успеть
И песенку для мамы
Сложить и громко спеть!

Прогулочная няня встречала всех ребят. Едва поздоровавшись, они сразу бежали в песочницу и принимались за работу. Совсем малыши плакали, когда мама уходила, но тогда няня брала крикуна на руки и утешала: «Ну не плачь, всё будет хорошо, мамочка скоро вернётся!» И малыши сразу переставали плакать.

Посреди площадки, где гуляла группа Уле-Александра, лежало толстое большое бревно. Оно отлично годилось для любой игры. То оно было кораблём, то самолётом, а сегодня – сегодня это был настоящий поезд! Сейчас я тебе расскажу, как ребята играли. Сначала они все уселись верхом на бревно. Ну почти все – самые маленькие залезть не смогли и стали провожающими: они стояли на перроне и махали тем, кто уезжает. Прогулочная няня превратилась в начальника станции и давала гудок на гармошке. А малыш по имени Ханс кричал: «Па-апрашу в вагон! Занимайте места! Поезд отправляется!»

Поезд на бешеной скорости вылетел за город. Последние дома скрылись из вида, и пошли загородные просторы. За окном мелькали большие хутора, и маленькие хуторочки, и телеграфные столбы без счёта. Поезд проезжал вековые леса. Он пыхтел и дёргался, но ехал. Это был удивительный поезд. Он всегда ехал вперёд и никогда не обращал внимания, есть рельсы или нет. Но вот лес поредел, и вдали показались большие заснеженные горы.

– Вперёд к горам! – сказал Уле-Александр Тилибом-бом-бом. – Вы в горах бывали?

– Нет! – закричали ребята.

– И я тоже не бывал, – сказал Уле-Александр. – Зато мой дедушка бывал и мне рассказал, и поэтому я всё о горах знаю.

Но вот перед ними вырос огромный горный пик. Поезд объехал его два раза, поднатужился, резко повернул и пополз прямо

к самой вершине. Добрался почти до неё, сделал ещё один поворот и резко затормозил. Ребята слезли с поезда и стали прыгать, топтать и хлопать, чтобы согреться.

– Вот мы и в горах, – сказал Уле-Александр.

На самом деле они по-прежнему гуляли в парке, и их поезд был всего-навсего бревном, но понарошку они забрались высоко в горы. И сразу придумали новую игру, сейчас я тебе расскажу.

– Интересно, а здесь тролли водятся? – спросил Уле-Александр Тилибом-бом-бом и оглянулся по сторонам.

– Да, – загалдели ребята, – нет ли здесь троллей?

– Ой, какой ветер, – сказал Уле-Александр и поёжился. – Вот бы нам укрыться и погреться в тепле. Глядите! А что это за дверка в горе? Постучимся?

– Постучимся! – сказали ребята и постучали в дверь.

– **ВОЙДИТЕ!** – ответил им кто-то басом.

– Входите, входите, входите, входите, входите, – эхом откликнулись пять тоненьких голосков.

Ребята переглянулись: «Идём? – и сразу решили: – Пойдём, конечно. Тут стоять холодно и противно».

Они открыли дверку и вошли в гору. Сначала они ничего в темноте не увидели, но потом рассмотрели красивую широкую горку, спускавшуюся внутрь горы. А на дне горы сияло серебро и золото и россыпью лежали диковины.

– Айда паровозиком вниз! – сказал Уле-Александр. – Садитесь друг за дружкой и держитесь крепко. Посторонись! Мы мчимся!

Жжух! Они неслись вниз по горке, аж уши закладывало. Бумс! Они приземлились внизу.

– Привет! – поздоровался Уле-Александр.

– Привет! – сказали и ребята хором.

– ПРИВЕТ, – буркнул тролль.

– Привет, привет, привет, привет, привет, – пропели пять тонких голосков. Кто это тут такие? Ого – пять тролльчат машут ребятам хвостами и лапами.

Сам тролль был огромный. На голове у него рос можжевельный куст, в нём притулилось гнездо с десятком птиц, они щебетали и пели на все голоса.

– КАК МИЛО, ЧТО ВЫ ЗАШЛИ В ГОСТИ, – сказал тролль толстым голосом. – МЕНЯ БОЛЬШЕ НИКТО НЕ ЛЮБИТ. РАНЬШЕ РЕБЯТА ХОРОМ ПРОСИЛИ – РАССКАЖИТЕ НАМ ПРО ТРОЛЛЯ! А ТЕПЕРЬ ОБО МНЕ НИКОГДА НЕ ГОВОРЯТ. НЕЛЬЗЯ ДЕТЕЙ ПУГАТЬ, ПОНИМАЕШЬ ЛИ.

– А мы очень хотим послушать о тебе, – ответил ему Уле-Александр. – И мы тебя ни капли не боимся. Мы знаем, что ты ненастоящий, только в сказках водишься. А тролльчата твои?

– ТРОЛЛЬЧАТА МОИ, ДА. ЖЕНА УШЛА КОФЕЙНИЧАТЬ С ДРУГИМИ ТРОЛЛИХАМИ, А Я ДОМ СТЕРЕГУ ДА ЗА РЕБЯТАМИ СМОТРЮ. НА УЛИЦЕ ВОН ХОЛОД И МОКРО, ТАК Я РЕШИЛ НЕ ПУСКАТЬ ИХ ГУЛЯТЬ-ТО. А ИМ СКУЧНО, ГОСТИ НАМ КСТАТИ. ЭЙ, ТРОЛЛЯТА-ТРУЛЯЛЯТА, НУ-КА СПОЙТЕ ДЛЯ ЭТИХ МАЛЫШЕЙ ПЕСЕНКУ.

Тролльчата встали в линейчку и запели:

– Все мы тролли,
Нас тут пять,
Хирихири-пирипири-пери!
Любим мы
Гостей встречать
В нашей замечательной пещере.
Пять хвостов,
Улыбок пять,
Хирипири-чирипири-чаши!
Приходите
К нам опять,
Угостим вас моховою кашей.

– Какая хорошая песенка! – обрадовался Уле-Александр.

– Очень хорошая, – сказали ребята, – но пора подкрепиться.

– Моховую кашу будете? – спросили тролльчата.

– Нет, спасибо большое. У нас завтраки с собой. Нам их съесть надо, а то мама с папой вечером расстроятся, что ребёнок ходил весь день голодный.

– Конечно, – кивнули тролльчата. И как накинудись на свою кашу – от неё вмиг ничего не осталось.

Прогулочная группа жевала свои бутерброды, печенье и булки, а тролль курил трубку. Она была как самая высокая фабричная труба, не меньше.

– Тебя как зовут? – спросила девочка-троллевочка.

– Уле-Александр Тилибом-бом-бом.

– О, красиво, – восхищённо протянула она. – А меня Камнеломка Толокнянка Малышка Фрезия Думдумдум.

– МАЛЫШНЯ, ПОРА ШАЛИТЬ, – пробасил тролль. Он расставил руки в стороны и сказал: – А НУ-КА Я ПОТРОЛЛЮ. ГЛЯДИТЕ В ОБА. ХОКУС-ПОКУС-КОНТРАБАС, ВСЕХ ХОЧУ КАЧАТЬ ЗАРАЗ!

И тут же и на руках, и на пальцах тролля появились качели, их было много, каждому достались. Ребята расселись по качелям и давай качаться, а тролль махал руками, и от каждого взмаха качели летели быстрее и выше.

– Давайте качаться до ночи! – закричали троллята, и тут Уле-Александр вспомнил, что их наверняка давно хватились в парке.

– Ой нет, нам домой пора, – заторопился Уле-Александр. – За мной скоро мама придёт.

– Мы вас не отпустим! – закричали тролльчата. – Отсюда обратно дороги нет.

Об этом ребята не подумали. Сюда они съехали по горке. Но она скользкая и крутая, сплошной лёд. Вверх по ней никак не подняться.

– ЭТО ГОРЕ НЕ БЕДА, – сказал тролль, – СЕЙЧАС МЫ ВСЁ УСТРОИМ. НУ-КА САДИТЕСЬ ПАРОВОЗИКОМ ДА ДЕРЖИТЕСЬ КРЕПКО-ЦЕПКО.

– Ухуху-охохо, – пищали тролльчата.

- Мы завтра вернёмся! – крикнул Уле-Александр.
- ВОТ И ХОРОШО, – кивнул тролль, набрал полный рот воздуха, аж щёки выкатились, да как дуунет! И ребята пронеслись вверх по горке, вылетели в дверку и приземлились прямо на поезд. Он запыхтел и понёсся вниз по горе, потом по долам, по лугам, по лесам и прикатил в город. Они как раз подъезжали к парку, когда Уле-Александр услышал мамин голос:
 - Уле-Александр, я пришла!
 - Подожди минутку, – крикнул он в ответ, – мы уже подъезжаем к станции!
 - Хорошо, – ответила мама, – жду на перроне.
- Поезд остановился, ребята слезли с бревна и стали прыгать и скакать, чтобы согреться и ноги размять.
 - Завтра ещё так поиграем, – сказал Уле-Александр. – Только чур я буду тролльчонок и попробую моховую кашу.
- Он пошёл домой обедать и ел суп с фрикадельками.
- Скоро мамы забрали всех ребят, и на площадке осталось только бревно и огромное дерево. Да ещё сбоку красиво блестела раскатанная горка.

В ЦИРКЕ

- О**днажды папа пришёл очень довольный. Он улыбался до ушей, и настроение у него было лучше некуда.
- Думал спросить, – начал он, – не хочет ли один мальчик пойти со мной в цирк?
 - Хочет, – быстро ответил Уле-Александр, – а кроме него ещё дама и пудель.
 - Так мама с Пуфом тоже хотят? – спросил папа.
 - Я хочу, – откликнулась мама, – но Пуфу придётся остаться дома.
 - Гау-гау, – печально заскулил Пуф.

– Знаешь, там будет много учёных цирковых собак, – сказал папа, – Пуфу полезно у них поучиться.

– Тогда его обязательно надо взять с собой! – тут же закричал Уле-Александр Тилибом-бом-бом.

Пуф сразу понял, что к чему, встал на задние лапы, стал кружиться и гавкать и от восторга чуть не свалил всех с ног.

Уле-Александра одели в красный свитер и выходные синие брюки и дали серую кепку, которую сам он называл полицейской фуражкой, Пуфу повязали на шею красный бант, и они все пошли в цирк.

Цирковой шатёр видно было издалека, он был расцвечен яркими красными огнями. Уле-Александр ещё ни разу в цирке не бывал, ему так не терпелось попасть внутрь, что у него уже щёки пылали. Но на подходе к цирку стояли вагончики, и на них были нарисованы разные звери. Уле-Александр никак не мог уйти, не рассмотрев всё подробно, но мама с папой тянули его за собой, скорее-скорее в шатёр.

Внутри он казался ещё больше, чем снаружи. Внизу в центре была большая круглая поляна, посыпанная опилками. Это манеж, объяснил папа. А вокруг него рядами поднимались скамейки, их было ужас как много! Как будто бы огромные широкие лестницы поднимались от манежа чуть не до неба.

У входа их встретил человек в красивой красной форме. У него были чёрные волосы, а говорил он по-норвежски, но как-то странно:

– Добрый вечером. Господин, госпожа и мальчик, находите свои места и глядите красиво.

Оркестр заиграл марш, и все разговоры смолкли. Музыка сменилась на вальс, и на манеж вышла прекрасная белая лошадь с маленькой красной шёлковой подушечкой на спине и с венком из жёлтых цветов на ушах. Следом шёл мужчина в чёрном фраке и котелке. Папа сказал, что это директор цирка. В руке мужчина держал длинный хлыст, он щёлкнул им, и лошадь стала танцевать.

Она по-настоящему танцевала, в такт музыке. Директор хлопнул в ладоши, и на арену выскочили пять маленьких пони. Большая лошадь танцевала перед ними, а пони старались повторить её движения. Потом они убежали, а белая лошадь осталась и низко поклонилась. Затем побежала по кругу, а в центр его вышла тётя в очень красивом наряде. Внезапно она подпрыгнула и вскочила на лошадь. Думаешь, она уселась на неё? А вот и нет – она стояла у лошади на спине и танцевала! А лошадь бегала по манежу, а потом убежала за кулисы, а тётя махала зрителям, целовала свои пальцы и сдувала с них поцелуй.

- Это наездница, – сказала мама.
- Уже конец? – спросил Уле-Александр.

- Нет, что ты. Они только начали.
- Очень хорошо, – обрадовался Уле-Александр.

Рабочие принесли красный ковёр и стали разворачивать его. Пока они возились, на манеж пробрался клоун в белом балахоне с красными полумесяцами и в островерхом колпаке. Лицо у клоуна тоже было белое-белое, кроме щёк, они полыхали ярко-красным цветом. Он хотел помочь рабочим растянуть ковёр и приготовить манеж для следующего номера, но всё время спотыкался, за всё цеплялся и падал так неудачно, что и рабочие спотыкались об него. Вдруг он кувыркнулся через голову, залез под ковёр – и давай оттуда хихикать и всеми командовать! Это было очень смешно, Уле-Александр хохотал так, что уже сил не было смеяться. Но рабочие в красной форме рассердились на клоуна, они запихали его в большой мешок и унесли. Уле-Александр огорчился. Пусть бы лучше клоун дурачился весь вечер!

На манеж вышел новый артист, он пил кофе, стоя на голове, но Уле-Александр смотрел на него невнимательно – он думал о клоуне. Бедный, милый, добрый клоун. Куда его утащили, неужели он так и пылится в мешке? Уле-Александру стало так жалко смешного клоуна, что сидеть сложа руки он больше не мог.

Уле-Александр бесшумно сполз под стул и встал на четвереньки. Мама с папой ничего не заметили, потому что между ними сидели и Уле-Александр, и Пуф, пёс вёл себя беспокойно, ёрзал и вертелся, родители то и дело успокаивали его. Уле-Александр дополз до стенки шатра, пролез под неё и очутился на улице.

Здесь стояли вагончики. Уле-Александр заглянул в ближайший – там сидела обезьяна и строила ему рожи. В следующем оказались собачки в платицах. В третьем никого не было, хотя на стене висел клоунский балахон, а на стуле лежал его колпак.

Уле-Александр обрадовался: значит, клоун не мучается в мешке, а где-то гуляет или разговаривает с другими циркачами.

И вдруг Уле-Александру ужасно захотелось зайти в клоунский вагончик и всё подробно рассмотреть. Он же ничего плохого

не сделает, посмотрит и уйдёт. Уле-Александр поднялся по лесенке и скользнул внутрь вагончика. Сначала он долго разглядывал колпак. И хочется примерить, и боязно. Уле-Александр собрался с духом и натянул колпак на голову. Оказалось – колпак ему к лицу! Тут же на столе лежали краски, которыми клоун размалёвывает себя для выступления, и маленькая кисточка. Уле-Александр взял её и нарисовал себе по большому красному кругу на каждой щеке.

Ничего себе, теперь его вообще от клоуна не отличить! Уле-Александр разыгрался. Он подставил стул и снял со стены балахон. Пусть тот был гораздо больше Уле-Александра, но ему хотелось полюбоваться на себя в зеркале в полном клоунском наряде, поэтому он натянул через голову балахон и помахал отражению в зеркале:

- Привет. Я клоун Уле-Александр Тилибом-бом-бом.
- Следующий номер – на выход! – крикнули совсем рядом.

Уле-Александр осторожно высунул голову наружу. Кричавший ушёл к следующему вагончику, зато прямо рядом с лесенкой стоял знаете кто? Маленький пони!

– Фола, фولا, фولا, – поманил его Уле-Александр. – Иди ко мне!

Пони потрусил в его сторону.

– Поиграем? – спросил Уле-Александр. – Давай я поскачу на тебе верхом.

Умная лошадка поняла его. Она легла, и Уле-Александр легко и просто залез ей на спину. Не успел он сесть, как пони припустил галопом.

– Сто-оп! – закричал Уле-Александр.

Но пони и ухом не повёл. Он нёсся прямо к пологу, закрывавшему выход на арену.

Там уже стоял директор цирка с белой лошастью и как раз собирался выйти на манеж. Уле-Александр на своём пони пронёсся мимо них и стрелой вылетел на арену. Пони приосанился и стал бегать по кругу. Уле-Александр вцепился в гриву и держался изо всех сил. Зрители хлопали и хохотали, но тут на манеж выскочил

директор цирка. Лицо у него было очень сердитое, он что-то кричал, но Уле-Александр не мог разобрать слов. Директор щёлкнул хлыстом... Это он зря сделал, потому что на знакомый звук прибежала большая лошадь. Она решила, её позвали выступать.

Теперь Уле-Александр напугался не на шутку. «Тпру!» – закричал он пони, и тот послушно остановился. Оказывается, «тпру» пони понимают гораздо лучше, чем «стоп». Уле-Александр быстро

огляделся, не зная куда деваться, – кругом подстерегали опасности. Он заметил свисавшую с потолка верёвочную лестницу, кинулся к ней и стал карабкаться вверх. Но это оказалось совсем нелегко, тем более что у Уле-Александра дрожали ноги.

Директор цирка гнался за ним по пятам, он был уже совсем рядом, уже схватился за лестницу, чтобы лезть за Уле-Александром... но тут из зрительного зала раздался громкий лай.

С отчаянным гавканьем Пуф скатился вниз по рядам, перепрыгнул через бортик манежа и... Угадай, куда он приземлился?

Правильно, он прыгнул на спину маленькому пони, тот напугался пуще прежнего и снова помчался вокруг арены. Зрители в восторге били в ладоши – они были уверены, что это настоящий цирковой номер!

Даже директор цирка повеселел. Он погрозил пальцем, чтобы Уле-Александр спускался, а сам отошёл от лесенки.

«Надо сделать номер», – подумал про себя Уле-Александр и, как только почувствовал под ногами опилки, стал кувыркаться и так, кувыркаясь, перекатился через весь манеж и выкатился наружу. За ним трусил пони с Пуфом.

Публика была в восторге – вся, кроме двоих зрителей, а именно кроме папы и мамы Уле-Александра. Они выскочили наружу и бежали вокруг шатра, торопясь увидеть наконец своего мальчика живым и невредимым.

У выхода с манежа стояли пони, Пуф, Уле-Александр и настоящий клоун, который хохотал так, что теперь уже хрюкал, хотя Уле-Александр был в его костюме, взятом без разрешения.

– Тебя долго в мешке держали? – спросил Уле-Александр Тилибом-бом-бом.

– Нет-нет, они выпускают меня, как только мы оказываемся за пологом, – объяснил клоун. – А ты хотел меня спасти?

– Да, – ответил Уле-Александр, и это прозвучало глупо.

Но клоун был очень мил, он не стал ни смеяться, ни издеваться, а только спросил, как Уле-Александра зовут, а потом забрал костюм и убежал на манеж.

Но тут появился директор цирка, улыбаясь во весь рот. С другой стороны приближались мама с папой, на их лицах не было ни тени улыбки.

– Bravo, bravo! – захлопал в ладоши директор. – Потрясающий номер! Хочешь выступать с ним каждый день? А потом поехать с нами в другие страны? Пса мы тоже возьмём, конечно. Уникальный номер!

- Нет-нет, – сказал папа.
- Понимаешь, у мамы с папой только я да Пуф, – объяснил Уле-Александр. – Да у меня и времени нет.
- Э-эх, – вздохнул директор и махнул руками. – Что ж, представление продолжается. Прощай, маленький клоун!

Уле-Александр со своим семейством уже потихоньку пошли было домой, как их догнал клоун и вручил Уле-Александру большой квадратный пакет. Знаешь, что было в нём? Фотография клоуна, на которой он написал: «Уле-Александру Тилибом-бом-бому от клоуна Тангелиповского».

Уле-Александр повесил её над своей кроватью. А на другой день они с мамой пошли в фотоателье и сфотографировали Уле-Александра. Потому что понятно, что раз клоун подарил ему свою фотографию, то и ему полагается снимок Уле-Александра. И на этом снимке было написано: «Большому клоуну Тангелиповскому от маленького клоуна Уле-Александра Тилибом-бом-бома».

УЛЕ-АЛЕКСАНДР НА ХОЗЯЙСТВЕ

Однажды мама Уле-Александра Тилибом-бом-бома заболела. Лоб у неё стал горячий как печка, она чихала и кашляла, так что Уле-Александр и папа в один голос велели ей целый день лежать в кровати и не вставать. Папа приготовил завтрак, накормил их, но потом ему надо было уходить на работу. На прощание он сказал Уле-Александру:

– Будь молодцом и ухаживай за мамой. Пока я не вернусь, всё хозяйство на тебе.

– Ни о чём не волнуйся, – сказал Уле-Александр. По-солдатски печатая шаг, он вошёл в кухню и надел большой белый мамин фартук.

Когда он вернулся в комнату, мама читала книгу.

– Нет, дружок, – сказал он ласково, – так нельзя. Спрячь-ка руки под одеяло и лежи тихо.

– Так лежать очень скучно. Можно я немножко почитаю перед сном?

– Скучно, зато полезно. Так ты гораздо быстрее поправишься. Ты ведь хочешь выздороветь, вылезти из кровати и снова ходить со мной на улицу?

– Да-а, – протянула мама. – Но можно я хотя бы одну эту страничку дочитаю?

– И речи не может быть, – сказал Уле-Александр уже строго. – Пожалуйста, не заставляй меня повторять всё по сто раз. Взбить тебе подушку?

– Да, – вздохнула мама, – спасибо.

Подушка у мамы была большая, тяжёлая, взбить её оказалось непросто. Но Уле-Александр оттащил её на стол и долго колошматил изо всех сил. Потом отнёс подушку маме в кровать, и мама его похвалила.

Уле-Александр решил не отвлекаться и сразу застелить папину кровать. Он побоксировал с его подушкой, сложил пижаму и принялся за одеяло. Оказалось, оно у папы неподъёмное. «Как только он не боится класть на себя такую тяжесть, – думал Уле-Александр, – ведь раздавит». Он долго смотрел на одеяло, но вдруг его осенило. Он залез на папину кровать, схватил одеяло за угол и стал скакать и дёргать его изо всех сил – он хотел встряхнуть одеяло. Одеяло не поддавалось, зато сам он встряхнулся на пять с плюсом. Одно нехорошо – одеяло стало сползать на пол. Этого Уле-Александр не заметил: что тут заметишь, когда такое веселье? Он знай скакал себе с одеялом, пока вдруг оно не налилось тяжестью и не потащило Уле-Александра на пол, где уже лежало само. Уле-Александр охнуть не успел, как оказался внутри одеяльного клубка – он ещё сделал внутри одеяла несколько шагов, но потом упал и дальше тихо лежал.

– Сынок, ты где? – закричала мама.

Уле-Александр медленно выполз из одеяла.

– Я улитка, это мой домик, – сказал он.

– Поднимай домик на кровать скорее, а то он весь грязный станет.

Но Уле-Александру было не под силу не то что поднять – даже приподнять домик. Пришлось маме встать и помочь ему. Вместе они справились – теперь одеяло лежало на месте, а папина кровать была аккуратно застелена.

И тут же зазвонил телефон. Уле-Александр побежал взять трубку.

– Алло, – сказал он.

– Алло, – ответили ему. – Уле-Александр Тилибом-бом-бом, это ты? Это тётя Лиза, хочу поговорить с твоей мамой.

– Нельзя, – сказал Уле-Александр. – Она болеет. Ей не разрешают вставать из кровати.

– Как жалко, – огорчилась тётя Лиза. – Я думала позвать её в город. Хорошо, тогда я сама к вам попозже загляну и поговорю с ней.

– Думаю, это ей вредно, – сказал Уле-Александр.

– Послушай, это пять минут. Мне непременно надо с ней поговорить.

– Нет, ей сегодня лишний шум ни к чему. Приходи в другой день, будем тебе очень рады, – сказал Уле-Александр и повесил трубку.

Вошёл в комнату и остолбенел. Только представьте себе – мама сидела в кровати и вязала!

– Похоже, ты сегодня плохо понимаешь мои слова. Если ты не будешь слушаться, ты никогда не поправишься. Ну-ка быстро ложись, а я тебе песенку спою.

– Уле-Александр, ты слишком строг со мной, – вздохнула мама.

– А что поделаешь – приходится. Я тебя за время болезни вконец избаловал. Ты по-хорошему уже не понимаешь. А я хочу, чтобы ты поправилась.

– Ладно-ладно, ложусь. А кто это звонил?

– Это была тётя Лиза. Я сказал, что сегодня ей нельзя приходить, потому что шум и возня тебе вредны.

– Ой, Уле-Александр, она ж теперь обидится. Как ты мог ей такое сказать?

– Я только повторил всё, что ты мне говоришь, когда я болею, – объяснил Уле-Александр. – Но не волнуйся – я понимаю, что ты упрямишься просто из-за болезни. Теперь ложись на бочок, я спою тебе песенку, и ты заснёшь. А проснёшься уже здоровенькая.

Он бережно потрепал маму по волосам и запел:

– Баю-баюшки-баю,
Баю мамочку мою.
Вот прекрасная картина –
Мама слушается сына.
Будешь кушать, будешь спать
И поправишься опять.
Я зеваю-распеваю:
Бай, мамуля, баю-баю...

Вы не поверите, но, когда Уле-Александр пропел песенку девятнадцатый раз, мама уснула. Он и сам чуть не задремал, да только некогда ему было спать, дел невпроворот. Уле-Александр помянул с собой Пуфа, на цыпочках дошёл до кухни и запер дверь.

Оставшаяся от завтрака посуда стояла в мойке и вокруг. Уле-Александр заглянул в ванную и увидел большой таз с бельём. Лучше сразу прополощу его, пока не забыл, решил Уле-Александр, открыл воду на полную силу и вернулся на кухню.

– Господи, сколько всего надо успеть! – вздохнул он, – Хоть на части разорвись. Ну ладно, – сказал он, обращаясь к Пуфу. – Сначала поставим вариться кофе. То-то мама обрадуется, когда проснётся.

Уле-Александр налил в кофейник немножко воды, насыпал очень много кофе и поставил кофейник на огонь.

– Знаешь что, Пуф, не отлынивай. Давай помогай мне мыть посуду. Мои чашки, ножи и вилки, а тарелки – твои.

– Гав! – согласно твякнул Пуф.

Уле-Александр расставил на полу перед ним тарелки, и Пуф принялся вылизывать их. Он вылизывал их очень старательно и чисто и был страшно доволен, что ему досталась такая приятная работа. А Уле-Александр тоже гордился, что успел переделать кучу дел. Он считал, что теперь ему можно и песенку спеть, чтоб веселее было вилки отмывать.

– Я маме помогу,
Я всё, я всё могу!
Налью ей кофе в кружку,
С вареньем дам горбушку.
Одежду
Простирну,
Посуду
Сполосну,
И будет всё как надо,
И мама будет рада,
Тра-ля-ля-ля!

Уле-Александр всё вымыл, а Пуф тем временем до блеска вылизал тарелки. Они сияли, любо-дорого посмотреть.

– Молодец, хороший пёс, – похвалил его Уле-Александр и убрал тарелки на место в шкаф.

Но тут из ванной донёсся странный звук. Как будто кто-то там мылся в душе и плескал на пол водой.

Уле-Александр осторожно приоткрыл дверь в ванную – а там топ! Вода текла всё это время, таз переполнился, налилась полная ванна, и вода хлынула на пол. Мимо Уле-Александра проплыла мыльница, следом пронеслась щётка. Можно подумать, у них парусная регата – соревнуются, кто кого обгонит. Уле-Александр

потянулся к крану закрыть его, но это оказалось трудно. Холодная вода лилась через бортик, стоило к нему прижаться, как холодной щекоткой сводило живот. Вода хлестала без остановки, Уле-Александр уже весь промок, а толку не добился. Наконец он всё-таки изловчился и закрыл кран. К счастью, в полу были специальные дырочки, но воды натекло так много, что сливалась она очень медленно, и ванная выглядела печально.

«Если бельё полежит в тазу до завтра, оно только чище станет», – рассудил Уле-Александр.

Тут на кухне что-то зафырчало, засипело и стало плеваться. Это выкипал кофейник. Уле-Александр бросился на кухню. Он схватил кофейник, забыв, что тот раскалился на огне, но тут же выпустил его. В результате Уле-Александр обжёг пальцы, а кофейник продолжал фырчать и плеваться коричневой жижей. Но Уле-Александр не растерялся и притащил из комнаты свою пожарную машину с выдвижной лестницей. Он выдвинул лестницу и поехал прямо на кофейник, тот вздрогнул – и сдвинулся с места! Пришлось быстро убирать машину, чтобы кофейник не опрокинулся.

Но как же болят обожжённые пальцы! Уле-Александр сунул их в рот. Он сосал их и думал, что, когда мама болеет, всё очень грустно. И всё идёт наперекосяк. Поскорее бы она просыпалась! Он приоткрыл дверь и сказал в щёлочку:

– Мам, ты спишь?

Никакого ответа.

– Мама, ты спишь? – спросил он гораздо громче.

Она что-то пробормотала во сне.

– Мама, ты спишь?! – закричал Уле-Александр во весь голос, и она наконец проснулась. – Сейчас кофе тебе принесу, – сказал ей Уле-Александр.

Они с Пуфом принесли поднос, и мама очень обрадовалась. Кофе был крепкий, у мамы даже дыхание перехватило, но она ни словечком не заикнулась об этом. А Уле-Александр рассказал

ей, как Пуф помогал ему мыть тарелки, и о потопе в ванной, и что кофейник выкипел. У него стучали зубы от холода, во время потопы он промок и так и ходил.

– Снимай-ка ты всё мокрое и тоже забирайся в кровать, – сказала мама.

Когда папа вернулся домой, Уле-Александр сидел в своей кроватке, мама лежала в своей кровати, а Пуф – в папиной. И все были довольны жизнью, потому что Уле-Александр рассказывал маме сказки – по очереди все, какие знал.

Но вечером, когда Уле-Александр заснул, мама тихонько вылезла из кровати и пошла на кухню. Она вытащила из шкафа тарелки и перемыла их с водой и мылом. Ей, видно, казалось, что старательно вылизать и чисто вымыть – не одно и то же. Но Пуф, к счастью, ничего об этом не узнал.

УЛЕ-АЛЕКСАНДР

ПЕРВЫЙ РАЗ ГУЛЯЕТ ОДИН

Как ты помнишь, по утрам Уле-Александр гулял в парке с прогулочной группой. Не считая этого, он ходил на улицу только с мамой или папой. В большом городе слишком много машин, и родители боялись отпускать своего мальчика на улицу одного. Но как-то Уле-Александр спросил маму:

– Я уже большой мальчик? Как ты думаешь?
– Да, – кивнула мама, – большой.
– Ну вот, – сказал Уле-Александр, – тогда ты должна разрешать мне иногда гулять одному. Всем большим мальчикам разрешают.
– Он прав, – вступил в разговор папа. – Ему надо учиться отвечать за себя. Иначе из него не вырастет надёжный и ответственный молодой человек.

На это мама сказала что-то странное:
– Уле-Александр, где у тебя сердце?
– Здесь, – ответил Уле-Александр и ткнул себя в живот.
– Нет. – Мама покачала головой. – Оно у тебя вот, в груди слева. Положи сюда руку. Чувствуешь, как оно бьётся?
– Чувствую. Стучит! Ой, оно стучит всё время.
– Хорошо. Это поможет тебе переходить дорогу.
– Зачем мне знать, как бьётся сердце, чтобы перейти дорогу? – очень удивился Уле-Александр.

– Сейчас объясню, – сказала мама. – Когда переходишь дорогу, надо сначала посмотреть налево, потом направо, а потом снова налево, прежде чем шагнуть с тротуара. В этом «лево» и «право» легко запутаться. Но сердце у тебя слева, и ближайшая к нему рука – левая. Теперь ты знаешь, где лево и куда смотреть на дороге.

– Это слишком сложно, – сказал папа. – Нашей лучше какой-нибудь значок ему на левый рукав.

– Да, так будет проще, – согласилась мама. Она взяла очень симпатичную заплатку с самолётом и пришила её на рукав комбинезона Уле-Александра.

– А теперь поиграем, – сказал папа. – Эти два стула будут тротуары, между ними улица. Я чур огромный грузовик, мама – мотоцикл, а ты – Уле-Александр, и тебе надо перейти дорогу. Мама, поехали – встаём на четвереньки и не подсказываем Уле-Александру, что мы близко.

Уле-Александр посмотрел на нашивку с самолётиком и повернул голову налево – оттуда никто не ехал. Тогда он взглянул направо – тоже никого.

– Я иду, – сказал он.

– Отлично, – похвалил папа. – Сыграем ещё разок.

Уле-Александр снова посмотрел налево, а там на большой скорости нёсся мотоцикл-мама.

Подожду и пропущу его, решил Уле-Александр. Но едва мотоцикл проехал, как Уле-Александр кинулся через улицу, больше никуда не глядя.

– Бдымс, – сказал папа. – Справа выскочил грузовик и наехал на тебя.

– Да, теперь понял, – сказал Уле-Александр. – Но можно мне одну минуточку погулять одному?

– Только не забудь – сначала налево, потом направо и опять налево!

Уле-Александр Тилибом-бом-бом чуть не лопнул от гордости, пока спускался вниз. Его отпустили одного! Значит, он уже стал совсем взрослым.

К сожалению, на улице было не так много людей. Все отдыхали дома после обеда. Уле-Александр даже немного расстроился – он, конечно, мечтал, чтобы все-все увидели, как он гуляет один. Но потом он взглянул на свой высокий красивый дом. Вот уж кто точно на меня посмотрит, сказал себе Уле-Александр и собрался переходить улицу. Но вы не поверите, сколько на улице машин!

Длинная вереница тянулась слева, а когда они наконец проехали, то справа началось бесконечное движение.

Уле-Александр ждал и ждал, и вдруг на дороге стало свободно. Он ещё раз покрутил головой налево-направо и пошёл через дорогу. Когда он шагнул на тротуар на той стороне улицы, он едва дышал от восторга и гордости.

– Я смог! – закричал он. – Я могу!

И он собрался уже переходить дорогу в обратную сторону, как вдалеке в конце улицы слышал звуки. Не просто звуки, а самые прекрасные звуки на свете. Угадали? Нет? Это духовой оркестр шёл по улице с музыкой! Тилибом-бом-бом, играл оркестр. У музыкантов были красивые синие кители с серебряным шитьём и красивые фуражки с кокардами. Трубы и тромбоны сияли и переливались, музыканты надраили их до блеска.

Оркестр подошёл уже к тому месту, где стоял Уле-Александр. Музыка гремела так громко, что у него грохотало в груди. Оркестр прошёл мимо, за ним шло много мальчиков и девочек, они слушали музыку и любовались музыкантами. «И я так хочу», – подумал Уле-Александр и тоже пошёл за оркестром. Он маршировал в такт музыке, это было такое счастье, что он вмиг забыл и маму, и папу, и «только на одну минуточку».

Оркестр уходил всё дальше и дальше вверх по улице, и Уле-Александр уходил всё дальше и дальше от своего дома.

Музыканты шли посередине дороги, и это тоже было здорово – совсем не приходилось думать о машинах и что они могут тебя сбить.

Дети потихоньку отставали и расходились по домам, но Уле-Александр ничего не замечал. Он был на седьмом небе от счастья. И тоже чувствовал себя музыкантом, складывал руки, как будто держит трубу и играет на ней. Теперь за оркестром шёл только он один.

Оркестр свернул в пустой школьный двор. Музыканты перестали играть и стали прощаться. «Спасибо, – говорили они друг другу, – я спешу, пора домой» – и уходили. Уле-Александр остался один. Темнело, к тому же холодало. Уле-Александр не знал, где

он оказался, в какой стороне его дом и как туда попасть. Мы почти всё время шли в гору, вспомнил он, значит, домой надо идти под горку.

Играть расхотелось. Он попробовал понарошку поиграть на трубе, но ему не игралось, пальцы не слушались. Да и ноги устали. Он брёл по улице и мечтал, что вот сейчас покажется его высокий красивый дом-великан. Но вокруг были только незнакомые невысокие здания.

– Видно, никогда я домой не вернусь. Бедные мама, и папа, и Пуф.

И так ему стало всех жалко, что он едва не заплакал.

– Не плакать! – приказал он себе. – Я взрослый дядя, почти как папа. Просто я на минутку заблудился. Вот если бы папа заблудился, что бы он сделал? Ага, я знаю!

Вдали он завидел тётеньку с двумя девочками. Они болтали, смеялись и дурачились. Сразу видно, что тётя очень милая, решил Уле-Александр. Поравнявшись с ними, Уле-Александр сделал жест, как будто он приподнимает шляпу – потому что папа всегда выходил из дома в шляпе – и сказал:

– Простите, вы можете показать мне дорогу домой?

– Ой, бедняжка, – охнула тётя. – Ты, никак, заблудился? Бедный маленький дружок.

– Не надо называть меня «маленький дружок», – строго сказал Уле-Александр. – Я играю, как будто я мой папа.

– Ой, бедный взрослый дружок, – исправилась тётя, – ты заблудился?

– Да, – чуть слышно прошептал Уле-Александр, – и ноги отваливаются.

– Где ты живёшь? – спросила тётя.

– В самом высоком доме.

– Эх, а я так плохо знаю ваш город. Но не страшно, сейчас что-нибудь придумаем. Девочки, постойте тут минутку, а я дойду до телефонной будки и позвоню.

Догадываетесь, куда она позвонила? Угадали – в полицию. И рассказала, что один маленький мальчик заблудился. Он уже очень устал. И сейчас они с ним стоят на такой-то улице.

– Выезжаем, – ответила полиция. – Будем через две минуты!

– Спасибо! – сказала тётя, а потом вернулась к ребятам и сказала Уле-Александр, что сейчас приедет полиция и ему поможет.

Уле-Александр смутился, услышав про полицию, – дело принимало излишне серьёзный оборот. И почти сразу завывла полицейская сирена. Подъехала полицейская машина, из неё вышел подтянутый и серьёзный полицейский.

– Вот мальчик, – сказала тётя.

– Хм. Как тебя зовут? – спросил полицейский.

– Уле-Александр Тилибом-бом-бом, четыре с половиной года, самый высокий дом города, – отрапортовал Уле-Александр.

– Всё сходится, – кивнул полицейский. – Твои мама с папой уже звонили. Они страшно боятся, что с тобой что-то случилось. Садись-ка в машину.

– Вы меня в тюрьму отвезёте?
– Нет, конечно. Я доставлю тебя домой. Хочешь прокатиться на настоящей полицейской машине?

– Хочу, – сказал Уле-Александр. Кивнул на прощание тёте с девочками, залез в машину, и она помчалась по улицам.

Когда полицейская машина притормозила у высокого дома, жильцы высыпали на улицу – всем хотелось посмотреть, кого это привезла полиция. И в каждом окне тоже маячил кто-то любопытный. А потом пошёл шепоток: «У-у, это просто Уле-Александр Тилибом-бом-бом...»

А сам Уле-Александр взял полицейского за руку и печатая шаг пошёл в подъезд. Уле-Александр чуть не лопался от гордости. А полицейский поднялся с ним на седьмой этаж и позвонил в дверь. Открыла мама.

– Вот ваш мальчик, – сказал ей полицейский.

– Вот живой полицейский, – сказал Уле-Александр.

– Спасибо, тысячу раз спасибо! Какое счастье!

Мама чуть не расплакалась.

– Рад стараться, – сказал Уле-Александр полицейскому.

– Рад стараться, – сказал полицейский Уле-Александру, отдал честь и ушёл.

– Как ты меня напугал, – сказал мама.

– Я и сам напугался, – честно признался Уле-Александр. – Но теперь я дома и бояться нечего.

И он рассказал про духовой оркестр и как всё вышло. Мама с папой, видимо, поняли, какое это счастье – идти по улице вместе с оркестром. Во всяком случае, они почти не ругались. Но попросили отложить дальние прогулки до поры, когда Уле-Александр подрастёт и получше узнает весь город.

– Понимаешь, если бы ты не вернулся домой, мы бы с папой и Пуфом всю жизнь горевали.

– И я бы тоже, – пригорюнился Уле-Александр Тилибом-бом-бом.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОДАРКИ

В канун рождественских праздников¹ папа спросил Уле-Александра:

– А вот скажи мне, Уле-Александр Тилибом-бом-бом, знаешь ли ты, что такое семья?

– Нет, – признался Уле-Александр. – Какая-то гадость?

– Ничуть нет. Мама, ты и я – мы маленькая семья.

– И Пуф, – напомнил Уле-Александр.

– Да, и Пуф. А теперь послушайте меня, дорогая моя семья. Давайте мы на Рождество подарим нашей семье подарок – большой хороший подарок на всех. И все вместе будем им пользоваться. Но тогда честно будет вчетвером на него скинуться. Уле-Александр, я спишу десять крон с твоей сберкнижки, мама добавит побольше, а я вложу больше всех, потому что я плачу за нас с Пуфом.

– Люстра? – спросила мама.

– Нет. Бессмысленно гадать, это сюрприз.

– Стул, – уверенно сказал Уле-Александр. – Ты каждый день говоришь, что хорошо бы купить стул.

– Я не скажу ни да ни нет.

– Ага, – улыбнулся Уле-Александр, – точно – стул.

Сам Уле-Александр не считал стул такой уж потрясающей вещью, но если стул будет один на четверых, может, и он сгодится для веселья. Например, здорово сесть на стул вчетвером. Уле-Александр пошёл к своему столику и нарисовал большой стул. Сверху на нём он нарисовал папу, у него на коленях – маму, а у неё на коленях – самого себя. Пуф стоял на спинке стула и махал хвостом.

¹ В Норвегии Рождество празднуют так: начинают 23 декабря, в этот день готовят рождественскую кашу и угощают ею ниссе-домового. 24 декабря, в сочельник, идут в церковь, а потом вся семья собирается за столом и вручают подарки. Но празднование и хождение в гости продолжается ещё не меньше трёх дней.

Мама разговаривала с папой и вдруг сказала такое, что Уле-Александр сразу наострил уши.

– Вот деньги на подарок, – сказала она, – но я выгребла из кошелька всё подчистую.

– Да, я тоже выложу всё до последнего гроша, – ответил папа, – но нам деньги до праздников и не нужны: еды полным-полно, а покупать мы ничего не собирались.

– Я волнуюсь, будут ли хоть какие-то подарки под ёлкой, – сказала мама. – Сёстры намекали, что у них *финансы поют романсы* – еда вздорожала, ни на что не хватает, не до подарков. У бабушки с дедом тоже с деньгами не ахти.

– Совсем не обязательно в Рождество завалить всех подарками, – рассудительно сказал папа. – Не волнуйся, радость моя, всё будет пре-вос-ход-но!

И они засмеялись и больше об этом не говорили.

Весь вечер Уле-Александр был тише воды.

– Ты не заболел? – спросила мама, потому что обычно от Уле-Александра было шуму как от трёх электричек.

– Нет, просто я думаю, – ответил Уле-Александр.

– Тогда не стану тебе мешать. Спокойной ночи, сынок.

– Спокойной ночи, – ответил Уле-Александр. Но едва мама вышла за порог, он вскочил и кинулся к ящику с игрушками. Уле-Александр отыскал в ящике картонную коробочку с крышкой – это была его копилка. Сюда он складывал монетки в одно эре, в два и пять, но изредка попадались и блестящие десятички.

Уле-Александр считал, что у него в коробочке уйма денег, а ещё ему нравилось трясти её, чтобы монетки звякали. Он сунул коробочку в рюкзак и снова залез под одеяло. Хмурость и задумчивость разом сошли с Уле-Александра.

Утром он проснулся очень радостный, но не мог сообразить, в чём дело. Потом увидел на спинке кровати рюкзачок и сразу вспомнил и про коробочку, и про всё остальное.

– А можно я сегодня один погуляю? – спросил Уле-Александр у родителей. – Мне так нравится рассматривать витрины. И зайду к деду с бабушкой, если есть захочу, дорогу я помню.

– Сегодня это было бы даже кстати, – ответила мама. – Прогулочная группа уже закрылась на праздники, а у меня дел невпроворот. Только пока ещё рано идти, по-моему.

– Нет, – возразил папа, – сейчас самое время. Потом на улицах будет столько людей, что к витринам не протолкнёшься. Только попроси деда позвонить сюда, как только до них дойдёшь. Чтобы мама не волновалась.

– Хорошо! – сказал Уле-Александр, надевая на спину рюкзак.

– Ты будешь рождественский дед?¹ – спросила мама.

– Да! – крикнул Уле-Александр уже на бегу и помчался вниз по лестнице.

Уле-Александр знал дорогу назубок. Сначала надо долго идти вниз по улице до зелёного дома. За ним поворачиваешь на другую улицу и идёшь до дома бабушки и деда. Прямо напротив их дома – большой магазин. В него-то Уле-Александр и хотел заглянуть по дороге.

Оказалось, магазин ещё закрыт, но ждать было нескучно. В витрине было столько интересного – глаз не оторвать: платья, костюмы, пальто, столы, стулья и большие кровати и целое окно игрушек. Среди них возвышался великолепный снежокат – санки с рулём и ручным тормозом. Уле-Александр не сводил с него глаз и не мог наглядеться. Снежокат был его мечтой.

Уходи-ка ты от этой витрины, сказал себе Уле-Александр, а то совсем забудешь, зачем пришёл. И тут как раз распахнулись двери, и Уле-Александр самым первым вошёл в магазин. Шагнув за порог, он замер от восторга. Магазин был размером с огромный

¹ В Норвегии подарки ребятишкам приносит не Дед Мороз, а рождественский дед. И подарки они получают на Рождество, а не на Новый год.

дом. Весь первый этаж был заставлен маленькими киосками, между ними вились улочки.

– Добро пожаловать! – сказал голос над ухом Уле-Александра.

– Спасибо, – ответил Уле-Александр, не оборачиваясь. Он так спешил, что некогда смотреть, кто это с ним разговаривает.

– Что ты ищешь? – продолжал расспрашивать голос.

Уле-Александр наконец обернулся и увидел даму с белыми кудряшками на голове.

– Платье для мамы, – ответил Уле-Александр.

– Поняла. Мама ждёт тебя в отделе платьев. Давай провожу.

И она решительно потащила Уле-Александра за собой к лестнице.

Но не тут-то было: Уле-Александр замер на месте и во все глаза смотрел на эту самую лестницу. Она ехала! Сама по себе уезжала вверх, и люди просто вставали на неё и поднимались на второй этаж, как будто взлетали на крыльях!

– Давай руку, поедem на эскалаторе, – сказала дама.

«Я не дурачок, я буду крепко держаться», – подумал Уле-Александр и крепко схватился за *балюстраду* эскалатора. А этого как раз делать было не надо, потому что *эта самая балюстрада* стояла на месте, а ступеньки двигались, и ноги Уле-Александра теперь побежали вверх одни.

– Нет, нет, нет, – сказала дама, – отпусти балюстраду, держись лучше за меня.

Хоп-хоп, и вот они уже снова стоят на твёрдом полу. Но Уле-Александр по-прежнему цепко держался за юбку своей провожатой, боялся, видимо, что пол опять поедет. Дама в кудряшках шла вперёд, Уле-Александр тащился за ней по пятам.

– Ну вот, – сказала дама, – платье здесь. Надеюсь, ты быстро найдёшь маму, а я побежала вниз.

– До свидания, – сказал Уле-Александр. Он обернулся и увидел другую даму, милую, спокойную, в голубом шёлковом платье. Она улыбалась ему.

Он поклонился, стараясь изо всех сил. Дама улыбалась, и Уле-Александр улыбнулся в ответ. Они стояли и долго одаривали друг друга улыбками, пока у Уле-Александра не свело скулы.

– Я хочу купить платье, – начал он.

Дама смотрела на него с доброй улыбкой.

– Правда! – крикнул Уле-Александр. Он рассердился.

– С кем это ты разговариваешь? – спросила тётя в чёрном переднике, выйдя из-за прилавка.

– Вот с этой дамой, она улыбается, а слушать меня не хочет.

– Понимаешь, она – кукла, манекен, как мы говорим, – улыбнулась и эта тётя.

– Вы здесь в магазине в кукол играете?

– «Играем» не совсем правильное слово. Мы надеваем на неё самое красивое платье, чтобы все покупательницы его заметили и хорошенько рассмотрели.

– Мне тоже нужно платье, но мне нужно красное. В подарок маме на Рождество. Только не говори ей, это сюрприз.

– Нет, ничего не скажу, – пообещала тётя. – А какого мама размера?

– Она взрослая. Как ты.

– Давай-ка посмотрим. Вот есть у нас красное платье, но оно дорогое. У тебя много денег?

– Да. Я не только платье буду покупать, мне ещё много всего надо, – сказал Уле-Александр и вытащил из рюкзака коробочку.

– Как красиво гремит, – сказала тётя. – Давай сосчитаем, сколько у тебя тут денег.

Она бережно высыпала монетки на прилавок и долго считала.

– У тебя денег много, – сказала она, – но недостаточно. Тут две кроны сорок эре, а платье стоит триста с лишним крон.

– Так я не смогу его купить?

– Нет, купить не сможешь. Но возьми вот открытку с красивым платьем. Покажешь маме и скажешь, что купишь ей такое же, как только вырастешь и будешь сам зарабатывать деньги. И давай я ещё дам тебе очень красивые пустые коробочки. Они всегда пригодятся. А теперь беги потихоньку домой. Видишь, сколько покупателей, я, к сожалению, не могу больше с тобой разговаривать. Привет тебе! Счастливого Рождества!

– Привет! – кивнул Уле-Александр и пошёл искать лестницу вниз. К счастью, нашёл обычную и спокойно спустился на улицу.

Уф, сколько же у всех хлопот! Спешат, летят, чуть не сбивают его с ног. Лучше отсидеться у деда с бабушкой.

Уле-Александр перешёл улицу и позвонил в дверь. Открыл дед.

– Можешь, пожалуйста, позвонить домой, сказать, что я тут? – попросил Уле-Александр Тилибом-бом-бом, а больше ничего не сказал.

– Что-то ты, парень, нос повесил, – заметил дед.

– Потому что не будет под ёлкой никаких сюрпризов, – промямлил Уле-Александр.

– Это ещё почему? – удивился дед. – А подробнее не расскажешь? Мне кажется, тогда бы я лучше понял.

– Придётся, – кивнул Уле-Александр и стал рассказывать о коробочке с деньгами, магазине, платье...

– Я предлагаю сперва подкрепиться, – сказал дед, – а потом возьмём твою копилку и сходим в один магазин, который я присмотрел.

Весь день они с дедом провели в хлопотах. Сперва пошли в тот магазинчик, о котором дед говорил, и купили маме красные пуговицы, а папе – гвоздей (они всегда нужны в хозяйстве, сказал дед). Тёте Лизе купили заколки для волос, тёте Марен – напёрсток. А бабушке они купили бумажную шляпу. Потом вернулись домой к деду и разложили подарки по красивым коробочкам.

Бабушка сгорала от любопытства и непременно хотела поглядеть, чем заняты дед и Уле-Александр. Но они ей не разрешили – и пришлось бабушке коротать время на кухне, пока дед и Уле-Александр всё не запаковали, и не подписали все коробочки, и не спрятали их в тайное место.

Уле-Александр шёл домой очень довольный: удалось-таки им с дедом сделать всё как надо.

Наступил сочельник, зазвонили колокола. И они звонили не только по всему городу, но и во всех городах, сказал папа, по всей стране и в других странах во всех церквях звонили в колокола, потому что наступило Рождество.

– А вот бы услышать их все разом, – мечтательно сказал Уле-Александр. Он стал вслушиваться в колокольный звон и представлять себе другие колокольни – и ему показалось, что он все их слышит.

Всё было непривычно. Мама и папа принарядились, на него самого надели матросский костюмчик. Пришли дед с бабушкой и тёти, они жали ему руку очень торжественно. А в комнате стояла ёлка, она переливалась огнями и пахла лесом.

Уле-Александр очень радовался. Столько было чудесного, что о подарках он и думать забыл. Но, когда они наелись вкусной еды, повели хоромы вокруг ёлки, спели все рождественские гимны, Уле-Александр вспомнил о подарках и пошёл на них посмотреть. Это маме, это тётке Марен. Вдруг его уколола страшная мысль, от ужаса он подпрыгнул на месте и ринулся в кухню.

– Мама, мама, скорей помоги мне упаковать мою пожарную машину! У меня нет подарка для деда!

– Давай помогу. Вот бумага, – сказала мама.

Всем очень понравились подарки от Уле-Александра, но я уверен, что дедушке больше всех.

Когда все подарки под ёлкой кончились, Уле-Александр закричал:

– Папа! А ты забыл подарок нашей семье!

– Не забыл, но не стал класть под ёлку, – сказал папа. – Он слишком большой. Но сейчас принесу, он спрятан у меня в комнате в шкафу.

– Чур все закройте глаза! – закричал папа из своей комнаты. – На этом подарке написано: «Для Уле-Александра Тилибом-бом-бома, мамы, папы и Пуфа! От Уле-Александра Тилибом-бом-бома, мамы, папы и Пуфа».

Уле-Александр зажмурился изо всех сил. А когда открыл глаза, перед ним стоял не стул, а большой, совершенно прекрасный СНЕГОКАТ!

– Так и быть, по будням можешь брать его в парк, – разрешил папа, – но по воскресеньям будем кататься все вместе, потому что нам с мамой тоже хочется. Послезавтра идём на горку.

Тут ожил дедушка:

– На горку – это отлично, на горку я тоже хочу.

– А у тебя снежок есть? – спросил Уле-Александр.

– Нет, но что ж мне теперь – не кататься? – засмеялся дед.

– Понимаешь, мы собираемся на очень большую горку, – серьёзно объяснил папа.

- Вот оно что, – сказал дедушка и лукаво улыбнулся в бороду.
- Деда, если хочешь, ходи со мной в парк и катайся на здоровье, хоть каждый день.

Уле-Александр сел на снежокат и не слезал с него до конца рождественского вечера.

- Папа, – сказал он, – на снежокате сидеть не хуже, чем на стуле.

С ГОРЫ НА СНЕГОКАТЕ

На второй день Рождества с утра пораньше Уле-Александр Тилибом-бом-бом уже топтался на улице рядом со своим большим высоким домом, держа за верёвку снежокат. На спине у Уле-Александра висел рюкзачок, а в нём лежала бутылка лимонада и открывашка. Тут же крутились двое мальчишек того же возраста.

– Везуха тебе, – сказал один. – А мне снежокат не подарили. Уж я хотел-хотел, изо всех сил старался...

– Просто у нас все хотели снежокат. Папа с мамой хотели его даже больше, чем стул, поэтому он нам подарился.

– Пойдём в парк покатаемся? – предложил второй мальчик.

– Сейчас не могу. Мы идём кататься все вместе – все, чей снежокат.

Тут из дома вышли мама, папа и Пуф. Папа был в лыжных штанах и куртке-аляске, а мама – в вязаных рейтузах и шапке с козырьком.

– Ты на мальчика похожа, – сказал Уле-Александр маме.

Мама расплылась до ушей. Кажется, она думала, так и надо – идёшь кататься на горку, одеваешься по-мальчишески. У Пуфа не было ни штанов, ни шапки, но он был страшно рад и не мог устоять на месте ни минуты, скакал и бегал.

– Поедем на метро, – сказал папа.

– Ого, – восхитился Уле-Александр. – Мы поедем на тёмном трамвае?

Это было одним из его самых любимых развлечений. Тёмный трамвай едет глубоко под землёй, под домами и улицами, а потом вдруг выныривает за городом высоко на горе.

На станции было много людей, и Уле-Александр забеспокоился.

– Думаешь, нам хватит мест? – спросил он папу.

– Не волнуйся, – ответил папа, – мы, конечно, сядем в поезд. Мы для того и поехали так рано, пока все ещё спят, чтобы спокойно сесть в поезд. А вот соням, кто долго спит и едет днём, придётся померзнуть на станции. Всем хочется в лес.

– Идёт! – закричал Уле-Александр. – Трамвай идёт!

Это был не обычный синий городской трамвай, нет, этот был выше, шире и коричневый. Уле-Александр первым ворвался в вагон, потому что у переднего окна есть такая широкая лавка, на ней можно стоять на коленках и смотреть. И тогда видно рельсы впереди, а стоишь рядом с вагоновожатым.

Дзинь! – прозвонил трамвай и поехал.

Уле-Александр тоже понарошку крутил руль и вёл трамвай прямо в темноту.

Они довольно долго ехали в потёмках, так что, когда трамвай выскочил наружу, Уле-Александр зажмурился от резкого света. А когда он снова открыл глаза, кругом было много людей. Четверо мальчишек бежали к его скамье. А один очень большой мальчик непременно хотел занять место ближе всех к рулю. Но Уле-Александр посмотрел на него грозно и сурово сказал ему: «Посторонись!»

– Гав-гав! – поддержал его Пуф.

Мальчик сел на другое место и больше ни слова не сказал. Дорога пошла в гору. Трамвай широкими зигзагами взбирался по лесистому склону, и с каждым поворотом они всё с большей высоты смотрели на густую серую пенку тумана, спрятавшего весь город.

Когда они вышли из трамвая, Уле-Александр ждал, что они немедленно сядут на снегокат и помчатся вниз с ветерком. Но не тут-то было. Сначала, сказал папа, они пройдутся, подышат свежим воздухом и заберутся ещё выше, потому что у них *поход*.

Уле-Александр дышал воздухом прямо как паровоз, аж пар изо рта. Пуф плёлся позади санок и сердился. Если б последнее слово было за ним, он бы эту каталку ни за что не купил. Пуф прижимал лапами полозья, но стоило ему вдавить в снег полоз, как тот немедленно выскальзывал и уезжал дальше. Пуф рычал, но это не помогало – полозья его не слушались.

Они всё время шли в гору, Уле-Александр стал уставать, ноги заплетались.

– Уже немножко осталось, – подбодрил папа. – Дойдём до вершины, будет тебе апельсин.

Уле-Александр сам удивился, как у него при слове «апельсин» ноги вдруг налились силой.

На вершине было очень много людей, почти все со снежокатами.

А за сугробом сидел старик с седой бородой. На нём были тесные бриджи, широкая дублёная куртка и кожаная шапка. Это был дедушка. Он сидел на маленьких обычных санках, а рядом

на земле лежал длинный шест. Время от времени дед осторожно выглядывал из-за своего сугроба. Ага, вон они идут – а он уже тут. Небось удивятся. Дедушка слышал их голоса.

– Пап, можно я буду рулить?

– Нет, сынок, рулить буду я. Горка очень крутая, и всё время повороты.

– А сам ты умеешь рулить? – спросила мама папу. – По-моему, зря мы в первый раз забрались на такую высоченную гору.

– Послушай, дорогая, – ответил папа, – это элементарно. Надо направо – крутишь руль направо, налево – налево, а если прямо, то просто держишь руль ровно. Когда санки слишком разогнались, тянешь ручной тормоз. Это проще простого. Но, конечно, надо иметь силу и быструю реакцию, так что лучше я буду рулить сам.

Папа вошёл в раж.

– Так, Уле-Александр сядет между нами!

– А Пуфа я возьму на руки, – добавила мама.

– Ну, погнали! – закричал папа.

Санки покатались, папа, мама и Уле-Александр громко запели, а Пуф загавкал.

– На снегокате на своём
Мы едем в первый раз.
Мы песню для него поём,
А он катает нас.
Полозья новые прочны
И не боятся крутизны.
– Эй, люди, э-ге-гей!
Дорогу нам скорей!

Санки носило из стороны в сторону по спуску, потому что папа был штурман хороший, но руку пока не набил. Как только они скрылись за первым поворотом, дедушка выбрался из-за своего укрытия, с достоинством сел на саночки, оттолкнулся ногой и поехал.

Он сидел ровно и важно, точно генерал, тормозил пятками, вздымая огромные вихри снега, а шест держал сзади как руль на моторной лодке. Дедушка ехал и сам себе улыбался.

– Посмотрим, как оно пойдёт, – бормотал дедушка себе под нос. – Форя у них велика, так что, может, я их и не догоню. Но это ещё бабушка надвое сказала, сумеют ли они управиться с этой своей гонкой.

Папа был очень доволен. Рулить оказалось куда проще, чем он думал. Папа оглянулся посмотреть, как дела у его семейства.

– Эй, там, на корме, как дела? Перестали бояться? Видите, какой папа прекрасный рулевой?

Напрасно он обернулся, потому что как раз на последнем слове снежок влетел в огромный сугроб, и папа исчез. Уле-Александр описал в воздухе дугу, нырнул в снег головой вперёд и встал вверх ногами. Мама совершила кульбит и плюхнулась на дорогу. Легче всех отделался Пуф – он приземлился на лапы и теперь мелко тряс головой, как будто у него звон в ушах.

– Сынок, так стоять нельзя, – сказала мама и потянула Уле-Александра за ноги. Она тянула его как репку из грядки, пока не вытянула.

– Привет, – сказал Уле-Александр, отряхивая снег. – А папа где?

Папу не было видно, но вдруг огромный сугроб задвигался, зашевелился и из него вылез снежный человек. Оказалось, это папа.

– Хм, – задумчиво сказал папа. – Откуда этот сугроб взялся?

– Знаешь, может, ты немножечко раньше заметил бы его, если бы смотрел вперёд, – засмеялась мама. – Чур теперь я рулю.

И мама решительно села за руль.

– Но я сяду за тобой, помогу, если что, – сказал папа. – Только снег стряхну.

Папа как отряхнулся, так настоящая снежная буря поднялась. И как раз в эту секунду из-за поворота показался дедушка. Он чуть не влетел прямо в них! Но упёрся каблуками в снег, затормозил в последнюю секунду и спрятался за поворотом.

Надеюсь, они меня не заметили, подумал дедушка. Ага, впечатались в сугроб. Понятно. Но, кажется, не ушиблись.

– Давайте здесь подождём, – сказал он своим саночкам. – Пусть уедут.

Папа стряхнул с себя самые большие комья и тоже сел на снегокат. Пуф сказал «хватит», он не доверял этой каталке на железках и решил бежать рядом. Уле-Александр сел с краю, и они понеслись дальше. И снова запели:

– На снегокате мы втроем
Опять летим вперед,
И снова мы ему поём,
И он для нас поёт –
Чтоб не упали, тра-ля-ля,
И чтоб не спали у руля.
– Эй, люди, э-ге-гей!
Дорогу нам скорей!

Горка стала круче, и санки разогнались. Уле-Александр уткнулся носом в папину спину и зажмурился. Впереди был крутой поворот. Мама крутанула руль изо всех сил, санки пролетели почти по вершине сугроба и каким-то чудом не опрокинулись. В отличие от Уле-Александра, который слетел и откатился на обочину. Он кричал и надрывался, но мама с папой так старались удержаться на санках, что ничего не слышали. Пуф стлался по снегу рядом с ними, вывалив язык на плечо, и тоже ничего не заметил.

– Дорогу! – закричал кто-то, и сзади на полном ходу выскочили ещё трое санок.

Да, лучше уступить им дорогу, подумал Уле-Александр и стал карабкаться вверх по высокому сугробу, стеной тянувшемуся вдоль дороги. Забравшись на гребень, он снова закричал: «Мама! Папа!» – но их и след простыл. Внезапно всё стихло. Огромные

высокие ели затаили дыхание. Уле-Александр сел на глубокий снег, подавшийся под его тяжестью.

«Мама с папой укатили, – сказал он себе. – Возможно, я навсегда тут останусь. Надо бы дом построить».

И он стал топтать ногами, чтобы утрамбовать пол. Потом прорубил в снежной стене окошко с видом на дорогу и вставил в него еловую ветку. И тут он услышал престранный звук – кто-то как будто щекотал дорогу. Он выглянул в окно и увидел какого-то пожилого дяденьку на саночках. Что-то в нём показалось Уле-Александру знакомым. Санки проехали мимо, и Уле-Александр понял, что это его собственный дед.

– Деда! – во всю мощь закричал Уле-Александр.

Дедушка резко затормозил и стал озираться. Уле-Александр спрятался в своём домике и подсматривал за ним.

– Не хочет ли дедушка заглянуть к внуку в гости? – спросил Уле-Александр. Он высунул голову: – Вот мой домик. Заходи!

– Вот так встреча! А остальные где?

– Уехали. Я свалился с санок, а мама с папой об этом не знают. Иди посмотри, как я тут хорошо всё устроил.

Дед слез с санок и подошёл поближе.

– Да, очень мило. Хороший ты себе дом сделал. Давно тут живёшь?

– Ну так лет сто.

– У-у, – сказал дед. – Послушай, раз ты так долго жил в лесу, не хочешь ли в город прокатиться?

– С радостью. Вот только дом запру.

– Ногами тормозить умеешь? – спросил дед.

– Угу, – промычал Уле-Александр.

– Тогда добро пожаловать ко мне в команду.

Они сели вдвоём на одни санки и стали тормозить в четыре ноги. Где-то далеко внизу навстречу им шли мама с папой. На лицах у них были написаны испуг и отчаяние – а вдруг они не найдут своего потерянного сыночка?

И тут к ним горделиво подруливает дед с ценным пассажиром.

– Скажите, удачно, что старичку захотелось как раз сегодня проветриться на горке? Заодно подобрал кой-какую мелочовку, которую вы обронили. Чур теперь рулит Уле-Александр Тилибом-бом-бом.

– Да, я тоже так думаю, – сказал папа.

Уле-Александр сел за руль, мама с папой устроились позади него, и снегокат заскользил вниз. Уле-Александр чуть-чуть крутил руль то влево, то вправо.

– Слушается меня, – сказал он.

Это была последняя горка, не очень крутая. Но Уле-Александру казалось, что у него в ушах свистит от скорости. Он пригнулся к рулю и прокладывал путь подальше от сугробов, потому что в них он сегодня уже навалился.

Когда они выезжали на плоскую поляну под горой, Уле-Александру очень захотелось сделать красивый разворот. Он сильно крутанул руль, санки сделали пол-оборота и дальше ехали задом наперёд. Мама смеялась и взвизгивала, папа хохотал, а мимо них чинно проехал дедушка на своих саночках.

– Очень манёвренный, – сказал папа.

– Отлично ездит задом наперёд, – добавила мама.

– Мечта, а не снегокат, – сказал Уле-Александр Тилибом-бом-бом.

УЛЕ-АЛЕКСАНДР НАХОДИТ ДРУГА

Сразу за большим и красивым домом, в котором жил Уле-Александр, стоял маленький серый домишко. Он был уже очень старый, казалось, он распластался по земле и тарашится снизу вверх на великана с окнами и не верит, что дом может дорасти до таких размеров.

Уле-Александр часто смотрел в окно на этот серый домик.

В нём жили только взрослые – Уле-Александр видел их, когда они вечером включали свет. Но они тут же опускали шторы, и всё – ничего не видно.

– Жалко, что они так быстро опускают шторы, – с досадой сказал Уле-Александр, – а то я б на них прямо как на кино смотрел.

– Люди пришли домой, им не хочется, чтобы им в окна заглядывали, – объяснила мама.

– А почему? – спросил Уле-Александр.

– Ты мастер трудных вопросов, – ответила мама. – Не знаю. В городе так много народу, что человеку хочется хоть где-то спрятаться от чужих глаз.

– А мне бы понравилось, если б на меня пришли посмотреть. Я б надел твою шляпу и смешил их, как клоун.

А потом в какой-то день вынесли вещи и все уехали, несколько недель дом стоял пустым.

Теперь торчать у окна и смотреть на него радости не было. Днём он казался странно нежилым, а вечером чернел как большая куча без единого пятнышка света.

Но однажды утром Уле-Александр наконец увидел что-то интересненькое. Перед домом стоял большой грузовик, на него были навалены вещи, а сверху виднелась детская кровать. Уле-Александр приплющил нос к стеклу, надеясь рассмотреть, кто приехал, но увидел только грузчиков, они тащили большой тяжёлый ящик.

– Мама, мама, иди скорей! Смотри! Что это они несут?

– Похоже на пианино, – ответила мама.

Потом грузчики занесли в дом стол с тремя стульями – двумя большими и одним маленьким, три кровати – две взрослые и детскую, ящики, чемоданы – вот и всё.

Но вечером, уже ложась спать, Уле-Александр увидел в окнах деревянного домика свет.

Сейчас шторы опустят, догадался Уле-Александр. Но нет, окно не занавесили, к нему подошёл маленький мальчик, приплющил нос к стеклу и стал смотреть на большой дом.

– Мама! – снова завопил Уле-Александр. – Там мальчик, смотри, он не закрывается занавеской!

– Правда, – кивнула мама. – Он на вид точно твоего возраста. Может, это к тебе друг приехал.

– И мы будем смотреть друг на друга, как будто кино.

– Не хочешь помахать ему?

Уле-Александр помахал рукой. Мальчик в окне стоял и смотрел. Потом медленно кивнул и ушёл.

– Он мне поклонился, – сказал Уле-Александр. – А теперь спрятался и ушёл.

– Сейчас ложись спать, а утром познакомитесь.

Но нет, утром они не познакомились. И на следующий день тоже нет. Каждый вечер они стояли у окна и переглядывались, но днём всё шло, будто никакого мальчика в деревянном доме и не было вовсе.

– Это будет друг вприглядку, – грустно сказал Уле-Александр. – Видно, никогда мы не встретимся.

Но вот однажды Уле-Александр с мамой пришли в магазин, и тут из деревянного дома вышел мальчик со своей мамой, и они тоже пошли в магазин. Уле-Александр спрятался маме за спину и оттуда смотрел. Вот мальчик с мамой вошли в магазин. Этот мальчик совсем не был похож на мальчика из окна. Того Уле-Александр уже немного знал, а этот был ему совсем не знаком.

Увидев Уле-Александра, мальчик сразу юркнул маме за спину и оттуда смотрел на Уле-Александра. Так они играли в прятки с гляделками, пока мама Уле-Александра не купила всё, что хотела. Тогда они с Уле-Александром вышли из магазина, а второй мальчик зарылся лицом маме в юбку и стоял так ещё долго.

Едва Уле-Александр с мамой вернулись домой, в гости пришёл дедушка.

– Как дела, старина? – спросил он Уле-Александра.

– У меня завелся друг, но я с ним не знаком, – ответил Уле-Александр.

– А сейчас он где? – спросил дедушка.

– В магазине. Вообще-то он живёт в том деревянном доме.

Дедушка подошёл к окну и посмотрел на улицу.

– Ого, – сказал он вдруг. – Уле-Александр, там экскаватор. Не хочешь сбежать посмотреть?

– Экскаватор?! – крикнул Уле-Александр уже в дверях и помчался вниз по лестнице.

Да! Посреди улицы огромный экскаватор грыз и ковырял мостовую. Уле-Александр смотрел во все глаза, чуть в яму не рухнул. Подняв голову, он увидел мальчика из окна – тот тоже смотрел на экскаватор.

– Ух, да? – спросил Уле-Александр.

Мальчик ни слова не услышал, потому что машина ужасно грохотала, но кивнул и что-то ответил, только Уле-Александр не услышал.

Тут рабочие сделали перерыв, и стало так тихо, что страшно пикнуть.

– Хочешь подняться ко мне и посмотреть на дедушку? – спросил Уле-Александр.

Мальчик снова кивнул, они вошли в подъезд и стали подниматься пешком. На каждом этаже мальчик останавливался и смотрел в окно. Но ничего не говорил, и Уле-Александр тоже помалкивал.

Когда они добрались до седьмого этажа, Уле-Александр вихрем влетел в квартиру, а мальчик остался на площадке.

– Ну как? – спросил дедушка. – Посмотрел?

– Привёл с собой! Стоит на площадке.

– Экскаватор стоит на площадке?

– Да нет. Друг мой. Сейчас я его приведу. Эй, иди сюда, с дедушкой знакомиться! – крикнул Уле-Александр.

Мальчик вошёл, вернее, он вошёл не на двух ногах, как все ходят, а вполз на четвереньках. И первым делом замычал:

– Му-у!

– Здравствуй, – ответил дедушка. – Как тебя зовут?

– Му-у, – снова замычал мальчик.

– Ты кроме «му» ничего больше не говоришь? – спросил дедушка.
– В хлеву я только мычу, – ответил мальчик.
– Хлев? – возмутился Уле-Александр. – Это самый лучший, высокий, красивый и прекрасный дом во всём городе!

– Ха. А выглядит точно стойла. И все вы в них живёте. Я маму твою зову Зорька, а тебя Телок. И ничуть этот дом не самый прекрасный, потому что мой гораздо лучше, и он такой хороший, что ему хоть на хуторе стоять, так папа говорит. Мы только из-за него согласились в город переехать, потому что нам не нравятся коробки, и меня Монс зовут, – закончил он.

– Нагленький какой, – сказал Уле-Александр.

– Знаете, что очень хорошо получилось? – спросил дед. – Что каждому из вас его дом больше нравится. Вот представьте себе, если б Уле-Александру Тилибом-бом-бому больше нравились деревянные дома, а Монсу – высокие? Тогда бы и вам, и вашим домам жилось плохо. А хотите, я расскажу вам сказку о ваших двух домах?

Давным-давно в большом красивом саду стоял маленький деревянный дом. Тогда это была пустынная окраина, город ещё не вырос, и домику было видно далеко-далеко. Домик был белёный, хозяева души в нём не чаяли. А в конюшне жили две белые лошади. Хозяйка, бывало, соберётся в город за покупками, и ей подадут к дверям повозку, запряжённую парой белых лошадей. А на запятках стоит кучер в ливрее и цилиндре с кокардой.

Усадьба была красивая и ухоженная: благоухал прекрасный сад, цвели яблони и груши, и кто бы ни шёл мимо, всякий останавливался и говорил: «Вот повезло кому-то. Какое счастье жить в этом доме!» Но город рос. То тут, то там строились дома и, в конце концов, они подступили прямо к ограде усадьбы. «По крайней мере, у меня есть мой сад», не унывал маленький белый домик. Однажды утром сад заволокли люди, они спиливали деревья, копали каналы и срывали гору, домик дрожал от взрывов. «Ну и пусть, – думал он, – зато вид из окна у меня не отнять». Но люди стали возводить строительные леса. Они были такой высоты, что уходили в небо.

А потом началась стройка, и как-то домик услышал разговор двух рабочих:

– Этот новый дом закроет старому весь обзор.

«Ну и ладно, – подумал деревянный домик. – Я уже старый, отжил своё. А кусочек неба мне всё же видно».

Ему скоро наскучило смотреть на мир сквозь прорези в лесах, и он уснул. А когда проснулся, леса уже убрали, а перед ним возвышался кирпичный дом, он был так хорош собой, новый, модный, великолепный, что едва не лопался от гордости.

– Привет, старик, – поздоровался он. – Видал, какой я красавец? Выше всех в городе. Захочешь новости узнать – обращайся, мне сверху видно всё.

– Но тебе не видно, как хорошо было тут раньше, до тебя, – сказал старый деревянный домик.

– Нет, не видно, – согласился новый дом. – Но давай ты будешь рассказывать мне, как было раньше, а я тебе – как теперь, и будет нам вдвоём хорошо.

И с того дня два дома стали закадычными друзьями. Чего я и вам желаю, Уле-Александр Тилибом-бом-бом и Монс, – сказал дедушка.

– Хм, – задумался Уле-Александр. – Я буду звать тебя Монс Друг-из-усадыбы.

– Хорошо, – кивнул Монс.

Вечером Уле-Александр долго-долго махал в окно, а Монс Друг-из-усадыбы махал ему в ответ.

ИНДЕЙЦЫ

Было уже поздно, Уле-Александр лежал в кровати, но не спал. Он думал об очень приятном и не мог уснуть. Но долго думать об этом одному тоже не получалось, он не вытерпел и крикнул:

– Мама!

- Сынок, а ты ещё не спишь? – спросила мама.
- Нет, потому что мне надо кое-что спросить. Всего пять дней осталось!
- Да, пять дней, и всё.
- Давай посекретничаем об этом.
- Какие секреты, тебе спать пора.
- Мамоchка, ну пожалуйста! Завтра останется четыре дня всего, а потом ночь и вообще три. Ну скажи.
- Ладно, – сдалась мама, – кое-что расскажу. У тебя через пять дней день рождения, и мы с папой подумали и решили, что в этом году у тебя будет детский праздник.
- Праздник?
- Да. Завтра тебе надо будет пригласить гостей. Праздник в четверг в четыре часа.
- Ого. Тогда я позову Монса из деревянного дома, Ханса из прогулочной группы и Малыша Пола-из-палисадника.

– Очень хорошо, – кивнула мама.
– Ещё я позову тебя, папу, бабушку – правда, она не мальчик. Ещё деда.

– Видишь, сколько у тебя завтра дел. Так что поскорее засыпай. Спокойной ночи.

Но теперь Уле-Александр было уж совсем не до сна, столько новостей-то. Он стал вспоминать, как принимают гостей мама с папой. Они встречают всех в дверях и говорят: «Как приятно, что сумели к нам выбраться». И он тоже будет так говорить, а ещё спрашивать: «Как дела дома?» и «Не хотите ещё пирожное? У нас есть в запасе» – и предлагать: – «Пожалуйста, садитесь, устраивайтесь поудобнее». В конце концов он сморился и заснул, но и во сне видел гостей и праздник и утром встретил маму словами: «Как хорошо, что вы пришли».

– Ты помнишь, что надо говорить – четверг в четыре. Не перепутаешь?

– Нет, – бросил Уле-Александр на ходу и убежал.

Первым делом он отправился к Монсу Другу-из-усадьбы.

– Приходи ко мне в четверг, у меня будет день рождения.

– Я с удовольствием, – ответил Монс. – Но только без подарка. У нас после переезда с деньгами туго.

– Может, ты сам что-нибудь смастеришь для меня? Это ничего не стоит.

– Хм, ну если денег не надо...

А Уле-Александр уже мчался дальше. На улице стояла группа ребят – играли в палочку. Малыш Пол-из-палисадника крутился тут же.

– Хочешь прийти ко мне в гости в четверг в четыре? – спросил его Уле-Александр.

– Наверно. А угощение будет?

– Не знаю, – ответил Уле-Александр.

– А нам можно к тебе в гости?! – закричали остальные ребята.

– Нет, нельзя. Я вас не знаю.

– А ты познакомься с нами. Тогда можно нас звать. Мы любим ходить в гости!

– Хорошо. Приходите в четверг в четыре. Седьмой этаж, – сказал Уле-Александр и показал на свой дом.

Ему очень понравилось приглашать в гости. Кого ни позовёшь – все радуются.

Когда он в парке стал звать в гости Ханса, то откликнулась вся их прогулочная группа. Все обещали прийти.

– Если ты меня позовёшь, я дам тебе мою тачку покатать, – сказал один.

– А я разрешу подержать мой велосипед, – сказал второй.

Так слово за слово Уле-Александр пригласил всех. Он был звездой, все хотели играть только с ним, не день, а сказка.

В оставшиеся до праздника дни он дома не сидел. Случалось, встретит на улице мальчика и страшно захочет позвать, ну и позовёт.

И вот настал день – Уле-Александр исполнилось пять лет.

Дед с бабушкой пришли пораньше. Уле-Александр нарядно оделся и сел ждать гостей. Мама болтала с бабушкой:

– Надеюсь, три мальчика шуму не наделают. Сейчас время тихого часа, будет неловко, если соседи начнут жаловаться.

Тем временем по всем лестницам на седьмой этаж поднимались колонны детей.

– Я не буду пока накрывать на стол, – говорила мама. – Ребята наверняка захотят поиграть сначала.

Только она это сказала, в дверь позвонили.

– Мама, пойдём вместе открывать, я буду вместо папы, – позвал Уле-Александр.

Мама открыла дверь. Лестничная площадка была забита детьми. И они толпились на лестнице. Мама тихо охнула, но сказала с деланным спокойствием:

– Ребята, подождите здесь минутку, – и снова закрыла дверь.

– Уле-Александр, ты позвал всех этих ребят?

– Да, они все очень хотели прийти в гости.

– Что же делать? – жалобно спросила мама. – Мы не можем отправить их по домам. Но они все сюда не поместятся, от них будет столько шума, что нас выселят, к тому же у меня не хватит торта на всех.

– Не дрейфь, старушка, – весело сказал дед и вытащил кошелек. – Булочная ещё открыта, вот тебе десять крон, купишь булочек с изюмом. Это вкусно и дёшево. Что касается шума, с этим я разберусь. Папа именинника, давай-ка быстро перетащи все столы и стулья в спальню, а потом отправляйся за булками с мамой вместе.

– Будет сделано, – ответил папа бабушке.

Одна бабушка отнеслась ко всему с полным спокойствием. Достала своё вязанье, села на табуретку, и только спицы замелькали. Уле-Александр так струсил, что спрятался в чулан, но дед выудил его оттуда со словами: «Уле-Александр Тилибом-бом-бом, не забывай – ты хозяин!»

Потом дед распахнул дверь и громко сказал:

– Привет, ребята!

А Уле-Александр добавил:

– Как дела дома?

– Спасибо, хорошо! – ответили ребята, а девочки даже сделали книксен, Уле-Александр подумал и в ответ поклонился.

– Ребятки, давайте так: сложите пальто и куртки в спальне, а оттуда сразу идите в гостиную и садитесь на полу. Я хочу рассказать вам удивительную историю.

Не успели они рассесться на полу, как снова раздался звонок в дверь. При мысли, что за дверью, возможно, ещё один полк детей, напрягся даже дедушка, но это просто пришёл Монс Другиз-усадыбы. Он принёс крохотный кораблик, сам смастерил его вдвоём с папой.

– С днём рождения!

Уле-Александр ужасно обрадовался, ведь все остальные гости умудрились забыть его поздравить.

- И тебя тоже, – сказал Уле-Александр вежливо.
- А теперь, – сказал дедушка, – игра! Мы – племя индейцев, мы ищем кокосы в чаще джунглей. Кто может сказать: «Хо! Хо! Ух?» Это единственные слова, которые я знаю по-индейски.
- Хо, хо! – завопили ребята. – Ух!
- Тсс, тише, нет-нет, – прошелестел дедушка чуть слышно. – Мы должны говорить тихо-тихо, чтобы нас не услышали обезьяны. А то они нас кокосами закидают.
- Хо, хо, – шептали ребята и поглядывали на потолок – не сидят ли там обезьяны с кокосами на изготовку?
- Мы послали двоих соплеменников за питьевой водой и едой, – говорил дедушка. – Мы целый день пробирались по джунглям, выбились из сил, теперь у нас привал, и мы рады, что можно немножко спокойно посидеть. Вот идёт самая старая скво нашего племени, – продолжил дед почти замогильным голосом.
- Это к ним подошла бабушка со своим вязаньем.
- Мы сидим на земле, но старейшину посадим на чурбан, – сказал дед и принёс бабушке табуретку.
- Ой, спасибо, – поблагодарила бабушка.
- Тише! – шикнул на неё дед.
- Щёлкнул замок, и вошли мама с полной корзинкой булочек и папа с рюкзаком сладкой газировки всех сортов.
- Ничего себе, какая у вас тишина! – восхищённо сказала мама. – Я уж подумала, что этажом ошиблась.
- Тсс, – зашикали ребята.
- А Уле-Александр сказал строгим шёпотом:
- Мама, не шуми!
- Юный индеец Уле-Александр Тилибом-бом-бом дело говорит, – поддержал его дедушка. – Не хватало только разбудить львов и тигров, они голодные и рыщут вокруг. Вы сумели раздобыть еды?
- Да, вот. Угощайтесь, – сказал папа.
- У нас ещё есть в запасе, – вежливо добавил Уле-Александр.

Папа выставил на пол бутылки с газировкой и корзину с булочками, все подкрепились в полной тишине. Когда они покончили с едой, дед стал рассказывать, что интересного они увидели и пережили сегодня в джунглях.

Раздался громкий звонок в дверь, и все испуганно встрепенулись: откуда в джунглях звонок? Они уже на всё смотрели глазами индейцев и чувствовали себя индейцами.

Это соседка пришла одолжить перец, увидела рассеянное по полу многочисленное племя, закричала и выскочила за дверь.

– Теперь мы в опасности, – сказал дед. – Этот дикий крик перебудил всех зверей. Нам надо идти дальше.

Все пошли в спальню одеваться, и дед с Уле-Александром тоже.

– Это точно как раньше, когда я был скаутом, – шепнул дед на ходу маме, папе и бабушке, она согласно закивала.

Они на цыпочках вышли за дверь, крадучись, изо всех сил стараясь не шуметь, спустились по лестнице и оказались на улице.

Малыш Пол-из-палисадника заревел.

– Кончились индейские гости, да, кончились? – всхлипывал он.

– Кончились?! – хором спросили ребята.

– Нет-нет, – ответил дедушка. – Просто в тех верхних джунглях стало тесно, – и дедушка показал на их окна, – поэтому наше племя уходит во-он в те дальние джунгли. – И он показал на парк.

– Те джунгли отличные, – согласно кивнул Уле-Александр. – Там деревья высокие, и вообще...

– И зверей там полно, – поддакнул Монс Друг-из-усадыбы.

– Дед, мы всё равно будем идти на цыпочках и говорить шёпотом, хоть мы и ушли из индейского дома, – сказал Уле-Александр.

– Конечно, тихо и шёпотом, – кивнул дед и скомандовал: – Племя, в путь!

Они прокрались по улице до перехода и шмыгнули в парк. Дедушка сел на скамейку посреди маленькой лужайки:

– Я буду сидеть здесь, а вы отправляйтесь в поход по джунглям. Как найдёте интересное – приходите мне рассказать.

Ребята кинулись врассыпную. Обрато они примчались, лопа-
ясь от нетерпения: они столько всего видели! Одному встретилась
белка, другому собака (по правде, это был тигр, объяснил Монс),
а Малыш Пол видел человека!

Они играли в индейцев до вечера. Дед не сидел на своей ска-
мейке всё время – он тоже ходил с ребятами смотреть, что инте-
ресного водится в джунглях.

– Уле-Александр Тилибом-бом-бом, у тебя скоро снова день
рождения? – спросил Монс. – Таких отличных праздников я ещё
не видел!

Тут часы на башне в центре города пробили семь, и дед крикнул:
– Быстро говорите, кто где живёт! Индейцы идут провожать
друг друга домой. Начнём с тех, кто живёт дальше всех. Как ин-
дейцы говорят?

– Хо, хо! Ух! – ответило племя. Ребятам очень хотелось побыть индейцами ещё немножко.

Пока они шли, они пели песню:

– Сквозь джунгли мы идём вперёд – бесшумно, как один.

Индейцы мы, лесной народ, и в оба мы глядим.

К примеру, встретится нам лев –

И тут же, дрожь преодолев,

Мы скажем «Хо!», мы скажем «Ух!», мы покричим совой,

И лев умчится во весь дух, мотая головой.

А если тигр сюда придёт, мы спрячемся в кустах,

Ведь мы находчивый народ и нам неведом страх.

А если дикая змея

Нас поджидает у ручья,

Мы скажем «Хо!», мы скажем «Ух!», поднимем шум и крик,

И тут змеюка в воду плюх! – и прочь умчится вмиг.

А если встретим обезьян и сверху бросят в нас –

В кого кокос, в кого банан, в кого-то ананас,

Мы угощенье подберём

И всё с собою заберём.

Спасибо, милые друзья, какая вкуснота!

Вот это день рождения – не праздник, а мечта!

Когда Уле-Александр с дедом вернулись домой, мама спросила:

– Не многовато ли гостей ты позвал, Уле-Александр?

– Хо, хо! – ответил Уле-Александр Тилибом-бом-бом. – Ух!

ЗАБОТЫ И ХЛОПОТЫ УЛЕ-АЛЕКСАНДРА

КЛЮЧ

Дождь лил не переставая. Кап, кап, дуп, дуп – стучал он по всем крышам большого города. Дуп, дуп, кап, кап – чиркал он по всем окнам большого, высокого дома, где жил Уле-Александр Тилибом-бом-бом.

– Би-бип, – сказал Уле-Александр, потому что его машинка объезжала мамину ногу, а сама мама мыла посуду.

– Давай ты как будто чужая дама и переходила улицу, а я на тебя наехал. И ты звонишь в полицию, а я как будто полицейский и говорю: – Будем через две минуты.

Мама не отвечала, думала о своём – прикидывала, наверно, как ей успеть переделать сегодня все дела.

– Хорошо, давай в другую игру, – сказал Уле-Александр. – Вся кухня как будто трамвай, а ты как будто верёвка к рогам у него на крыше. Я дергаю за тебя, и трамвай едет. А ты можешь мыть посуду.

– Ладно, – кивнула мама.

Уле-Александр дёрнул её за юбку – трамвай поехал, чух-чух, и долго катался.

– А теперь я как будто не твой сынок, а чужой мальчик, и вот ты спрашиваешь, не встречал ли я твоего сыночка, а я говорю

понарошку, что видел его за стулом, ты начинаешь искать, а я перепрыгнусь в другое место и стану обратно твоим мальчиком и буду сигналить: «Пип-пип! Я здесь!»

– Согласна, – сказала мама. – Один разок сыграем в твою игру, но потом я буду мыть здесь потолок, а ты поиграешь один.

– Обещаю. Ну, давай спрашивай!

– Простите, вы не видели здесь моего сына?

– Мне кажется, я видел его во-он за тем стулом, но я не уверен, что он всё ещё там, – сказал Уле-Александр и добавил: – Потом закрывай глаза и не смотри – я спрячусь.

Мама встала на четвереньки и полезла искать своего сына.

– Пиип-пиип, я здесь! – закричал Уле-Александр из-под стола.

– А, вот ты где! – радостно сказала мама. – А я тебя везде ищу!

– Давай теперь как будто ты спряталась, а я тебя ищу, – сказал Уле-Александр.

– Нет, – ответила мама, – прости, я больше не могу играть.

Она взяла лестницу и ушла на кухню мыть потолок. Уле-Александр встал у окна. На улице лило как из ведра.

– Мам, я выйду на лестницу? Я придумал игру, как будто я заблудился в нашем большом, высоком доме.

– Иди, – сказала мама.

Уле-Александр ушёл, а мама полезла на лестницу. На предпоследней ступеньке раздался звонок в дверь. Это вернулся Уле-Александр.

– Я забыл – я пить хочу, – сказал он.

Мама дала ему воды в чашке, он напился и опять ушёл, а мама снова полезла на лестницу.

В дверь позвонили. Мама вздохнула, слезла с лестницы и пошла открывать. На пороге стоял Уле-Александр.

– Я хочу взять мой пластмассовый поезд и покатать его на площадке, – объяснил Уле-Александр.

– Ты не мог сразу всё вспомнить, – сказала мама. – А то мне каждый раз приходится скакать вверх-вниз, как белке.

– Ладно, – вздохнул Уле-Александр, – обойдусь без поезда, – и ушёл.

Мама опять взгромоздилась на лестницу, намочила тряпку, два раза провела по потолку... В дверь позвонили. Мама рассердилась. Дверь она отпирала с очень грозным видом.

– В чём дело, Уле-Александр?

– Я по игре как будто заблудился. И позвонил спросить, не тут ли я живу.

– Всё, хватит. Или мы сию секунду что-нибудь придумаем, или я так разозлюсь, что наговорю страшных гадостей. Так. Вот тебе ключ. Он на верёвке, я привяжу её к ляжке штанов, а ключ уберём в карман, тогда ты его точно не посеешь. Видишь, ты уже совсем большой – ходишь с ключом.

– Ещё минуту не сердись, я попробую открыть замок.

– Пожалуйста. Делай что хочешь, только чтобы я больше не скакала туда-сюда.

Уле-Александр с очень гордым видом вышел на площадку. В кармане у него лежал ключ. Он прошёлся у дверей и вставил ключ в замок.

– Мама! Запирается!

– Вот и отлично, Уле-Александр.

Ему очень хотелось, чтобы какой-нибудь сосед прошёл сейчас мимо. Тогда бы Уле-Александр спокойно и невозмутимо подошёл к двери, с рассеянным видом вытащил из кармана ключ и на глазах у потрясённого соседа открыл бы дверь квартиры. Но как назло никто мимо не шёл. Уле-Александру надоело ждать, и он стал спускаться по лестнице. Он крутил ключ на верёвочке и на каждом повороте чиркал об стену.

Дойдя до четвёртого этажа, он услышал плач. Уле-Александр приоткрылся и увидел, что перед запертой дверью стоит девочка. Она звонила, дёргала ручку, а потом села на коврик и зарыдала в голос.

Уле-Александр подошёл поближе, но девочка закрыла лицо руками и ничего вокруг не видела.

«Посвищу», – решил Уле-Александр. Он давно учился свистеть, и сейчас у него получится короткий «фьють».

Девочка не обращала на него внимания, Уле-Александр свистнул ещё разок, но опять безуспешно. «Лучше спою, – решил Уле-Александр и запел: – Ля-ля-ля!»

Девочка раскрыла ладони, взглянула на него, но тут же снова заслонила лицо и зарыдала гораздо громче прежнего.

«Ужас, как она кричит, – подумал Уле-Александр, – надо что-то делать». Он снял ботинок и подкинул его к потолку, девочка перестала плакать. А когда ботинок упал Уле-Александру на голову, девочка засмеялась и смеялась до икоты.

– Ай-ай-ай, – с укором сказал Уле-Александр, – нехорошо смеяться. Ничего смешного, мне больно. Это я для тебя ботинком кидался, ты ужасно вопила. Что случилось?

– Я не могу войти, тётя Петра наверняка ушла, – ответила девочка и снова залилась слезами.

Уле-Александр почувствовал себя очень большим по сравнению с этой маленькой малышкой.

– Ну, ну, дружок, – сказал он, – посмотри, что у меня есть. – Он покрутил у неё перед носом ключом на верёвочке. – Тебе незачем плакать, всё хорошо. – Он вставил ключ в замок и хитро подмигнул девочке: – Фокус-покус-тилибокус!

Он повернул ключ, но тот не вертелся.

– Фокус-покус-тилибокус! – повторил он и сильнее нажал на ключ. Дверь не поддавалась. Уле-Александр, ничего больше не говоря, вцепился в ключ и, пытаясь, стал его поворачивать. Ключ проворачивался и щёлкал, но дверь не открывалась.

– Ключ ненастоящий? – спросила девочка.

– Ещё какой настоящий! Пойдём ко мне на седьмой этаж, сама увидишь, как он отлично отпирает и запирает.

– Давай сходим, – согласилась девочка. – Я могу сразу и в гости к тебе сходить. Я знаю, как тебя зовут. Мама твоя всегда тебе кричит.

- И как меня зовут?
- Уле-Тилиандер Алибом-бом.
- А вот и нет. Меня зовут Уле-Александр Тилибом-бом-бом.
- А меня Ида. Пошли?
- Сейчас только ключ заберу.

Но противный ключ и не думал выниматься. Он прочно засел в замке и не вылезал. Ключ болтался на верёвочке, привязанной к ляжке комбинезона, одетого на Уле-Александра, так что теперь он стоял, скрючившись перед дверью, и ждал, пока замок смилостивится и отпустит его.

– Придётся мне здесь целый день стоять, – сказал наконец Уле-Александр.

– Глупости, – ответила Ида. – Сними с себя штаны – и отвяжешься.

Легко ей говорить. А на Уле-Александре не штаны, а комбинезон с пуговицами на спине. Как он их расстегнёт?

Уле-Александр с пуговицами вообще не дружил. Он с трудом застёгивал и расстёгивал их, даже когда видел, а уж о том, чтобы справиться с упрямыми и вредными пуговицами, когда они на спине, Уле-Александр и не мечтал.

Ида внимательно смотрела на него.

– Ой, у тебя пуговицы на спине! – вдруг сказала она. – Тогда давай я расстегну, а то на спине у меня никогда не получается.

Уле-Александр от изумления надолго замолчал. Как она узнала, о чём он думает?

Ида справилась на раз-два-три. Одна ляжка упала, а вторая стояла как часовой, привязанный к замку.

– Теперь вставай на одну ножку и тяни штанину, – сказала Ида. – Можешь играть, как будто ты петух. Говори кукареку.

– Кукареку, – осторожно прокукарекал Уле-Александр и действительно выпутался из одной штанины, а вторая тогда легко снялась сама.

– Всё произошло очень быстро, и вот уже комбинезон болтается на двери, а рядом стоит Уле-Александр в трусах и одном ботинке. Второй он скинул раньше, чтобы развеселить Иду.

– Обувай второй ботинок, – сказала Ида.

Ну уж нет. В ботинках такие вредные шнурки, что ещё не хватало сейчас с ними возиться.

– Не приставай. Я люблю носить ботинки в руках, – солидно объяснил Уле-Александр.

– А-а, – сказала Ида, – тогда пошли к тебе в гости.

Уле-Александр кинул долгий прощальный взгляд на свой ключ, потом взял ботинок в одну руку, Иду – в другую, вздохнул и пошёл наверх.

Иду пропажа ключа не волновала, она всю дорогу щебетала без умолку.

– Здорово, что ты со мной познакомился. Я тут долго буду жить. Мама с папой уехали в Америку и оставили меня у тёти Петры.

– А львы в Америке есть?

– Не знаю. У тебя синий свитер, у меня красный. Один синий, другой красный. Один синий, другой красный. Скажи так тоже!

Они сказали это хором и пошли дальше в ногу, повторяя на каждый такт:

– Один синий, другой красный.

– Надоело, – сказала Ида. – Давай по-другому говорить. Я буду «трик-трак-шук-шак», а ты «трюк-трак-шик-шак».

– Три-шаг-шук-шак, – сказал Уле-Александр.

– Не-ет, не так. Трюк-трак-шик-шак.

– Трюк-трак-шик-шак.

– Трик-трак-шук-шак.

За этими разговорами Уле-Александр тоже почти забыл свой ключ, но, очутившись перед своей дверью, вспомнил.

– Звонить неохота, – вздохнул он.

– Давай я позвоню вместо тебя, – предложила Ида и с силой вдавила кнопку. В квартире у мамы раздался громкий протяжный звонок.

Мама чуть не скатилась с лестницы. Увидев Уле-Александра, она только руками развела:

– Сынок да что же это такое. Я дала тебе ключ. И что у тебя за вид? Почему ты голый?

– Мой ключ пока занят, – объяснил Уле-Александр.

– Что значит – пока занят? Чем?

– Он отпирает чужую дверь, но я не стал дожидаться, потому что долго было, а штаны остались там его сторожить.

– Уле-Александр мне помогал. Я не могла войти в квартиру, где я живу.

– Она так ревела! Хорошо, что у меня был ключ и я мог отпереть ей дверь. Но ключ не вынулся обратно.

– Вот оно что, – сказала мама. – Понимаешь, Уле-Александр, я тебя дала ключ от этой двери. Он подходит только к ней, а к другим не подходит.

– Да? – удивился Уле-Александр Тилибом-бом-бом. – А я думал, что могу открыть им всякую дверь.

Пока они разговаривали, вернулась домой тётя Петра. Она подошла к своей двери и уже вытащила ключ, как увидела в замке чужой ключ и болтающийся детский комбинезон. «Что такое?» – подумала она и дернула за ключ. Он не вынимался. Но тётя Петра не сдавалась. Она долго аккуратно крутила его и в конце концов вынула. «Какие-то мальчишки баловались», – подумала она и решила посмотреть, кто они такие. Для этого тётя Петра принесла из квартиры колокольчик, аккуратно пристроила его изнутри комбинезона и снова вставила привязанный к нему ключ в замок. Никто бы не догадался, что в штанах что-то спрятано. Потом тётя Петра взяла старый зонтик и встала за дверь. «Вот напугаю я баловников!» – сказала она, хихикая. Ей казалось, она очень смешно придумала.

И тут как раз мама с ребятами дошли до четвёртого этажа. Они издали заметили штаны Уле-Александра.

– Давайте лучше я ключ вытащу. Это надо делать очень аккуратно, чтобы не испортить ни его, ни замок. Отойдите-ка,

я попробую, – сказала мама и потянула комбинезон.

Джингл-джингл, загремел колокольчик.

– Что такое? – отпрянула мама.

Дверь распахнулась, и выскочила тётя Петра, потрясая зонтиком.

– Попался, маленький негодник! Сейчас я тебе покажу, будешь знать, как меня изводить! – кричала она, но осеклась, увидев, кто перед ней.

– Тётя Петра, – сказала Ида. – Она не виновата. Это Уле-Александр сделал, чтобы мне помочь.

– Ой, – сказала тётя Петра. – Пожалуйста, зайдите в дом.

Мама объяснила, как всё получилось, и, когда они потом уже стали прощаться, тётя Петра улыбалась как ласковое солнце и говорила, что они с Идой всегда ждут Уле-Александра в гости.

Пока они шли наверх, Уле-Александр сказал:

– Хорошо, что ты дала мне ключ. Теперь я познакомился с Идой и тётей Петрой.

– Да, – кивнула мама, – теперь у тебя есть и друг, и подружка.

– Монс-из-усадыбы мне друг, а Ида никакая не подружка, а невеста. Я собираюсь на ней жениться.

– Вот как, – сказала мама.

Они стояли перед своей дверью на седьмом этаже. И вдруг мама стала свекольного цвета.

– Ужас! Я забыла дома ключ, а дверь захлопнулась. Теперь мы в квартиру не попадём!

– Не переживай, – сказал Уле-Александр, небрежно вынул ключ и с рассеянным видом вставил его в замок. Дверь открылась, и они с мамой вошли в свою квартиру.

СВАДЬБА

Петра, тётя Иды, пригласила Уле-Александра приходить к ним почаще, поэтому едва он в день истории с ключом доел обед, как немедленно ринулся вниз и позвонил Иде в дверь.

Открыла тётя Петра.

– Как мило, что ты захотел нас навестить, – улыбнулась она.

– Я хочу навещать вас каждый день, – отрапортовал Уле-Александр и побежал в комнату Иды.

– У тебя заводные машинки есть? – спросил он Иду.

– Нет. Зато у меня кукол много. А у тебя куклы есть?

– Нет.

– Тётя Петра, – закричала Ида. – У него ни одной куклы нет. Представляешь?

– А ты не хочешь одну ему подарить? – сказала тётя Петра.

Ида порылась в игрушках и достала маленькую куколку с колтуном чёрных волос.

– Уле-Александр Тилибом-бом-бом, теперь она твоя, дарю. А как ты её назовёшь? Пока она была моя, я звала её Петра.

– Тогда пускай её Петрой и дальше зовут, зачем ей имя менять. Тем более она на тётю Петру похожа, у неё тоже волос много.

– Да, мы, Петры, обе лохматые, – засмеялась тётя Петра.

– Мою будут звать Петра Тилибом-бом-бом, чтобы все могли отличить, – сказал Уле-Александр.

К себе в квартиру он ворвался, размахивая Петрой, а там мама с папой сидели с гостями – тётей Лизой и тётей Марен.

– Смотрите, что мне Ида подарила!

– Подарила или дала поиграть? – уточнила мама.

– Подарила, – твёрдо сказал Уле-Александр. – Её зовут Петра Тилибом-бом-бом.

– Повезло тебе, – сказал папа.

– Мальчики в куклы не играют, – фыркнула тётя Лиза.

А папа засмеялся:

– Да ты отстала от жизни, дорогая. Это в старые времена люди были такие глупые, что считали кукол только девчачьими игрушками. Но потом сообразили, что мальчики вырастут и станут папами, тогда им очень полезно уметь за пупсами ухаживать.

– Я сошью Петре красивое пальто, – пообещала тётя Марен, – будет щеголять в нём зимой.

Взрослые пили кофе за журнальным столиком, а Уле-Александр болтал на полу с Петрой, но всё время посматривал на взрослых. Они говорили всё время и разом. Как они придумывают, о чём поговорить? Ещё они смеялись непонятно над чем. Тётя Марен хотала так, что щёки прыгали. От смеха она не могла договорить слово, утирала слёзы, но смеяться не переставала.

Завтра мы тоже так поиграем, решил Уле-Александр. Мы с Идой пойдём в гости к Монсу-из-усадыбы и тоже заведём взрослый разговор, а Петра будет смотреть на нас. Ой, пора её спать укладывать, спохватился он.

Уле-Александр взял обувную коробку, постелил в неё большой мягкий шарф и поставил коробку рядом со своей кроватью.

– Петра, давай-ка ложись, девочка моя. Тебе давно спать пора.

На другой день с утра пораньше Уле-Александр взял Петру под мышку и спустился к Иде.

– Собирайся поскорее, пойдём в гости к Монсу в деревянный дом!

– Ой, как здорово, – обрадовалась Ида.

Они пересекли улицу и позвонили в дверь. Открыл сам Монс.

– Привет. Я один дома, мама уехала в Центр за пряжей.

– Доброе утро, – поздоровалась Ида. – Спасибо, что пригласил в гости.

– В гости? – очень удивился Монс.

– Ты пока ещё не знаешь, – объяснил Уле-Александр, – но сейчас узнаешь. Я придумал, что мы пришли к тебе как настоящие гости и будем разговаривать как взрослые и смеяться по пустякам, а Петра Тилибом-бом-бом будет сидеть на полу и на нас смотреть.

– У-у, – ответил Монс.

Они уселись за круглый стол на кухне.

– О чём говорить будем? – деловито спросил Монс.

– Как приятно снова вас навестить, – сказал Уле-Александр и стал изо всех сил давить из себя смех.

– Ты сам вязал? – спросила Ида, щупая свитер Монса. – Очень миленький.

– Нет, – коротко ответил Монс.

– Вы не поверите, на днях я ездила в Центр и встретила... слона! – сказала Ида.

– Ничего себе! – откликнулся Уле-Александр. – Ну что, Петра, любишь ходить к дяде Монсу в гости? Мы как будто с Идой женаты, а Петра наша дочка. И мы пришли в гости к дяде Монсу. Или ты хочешь быть дедушкой?

– Я хочу быть дедушкой, а вы по-настоящему не женаты, – сказал Монс.

– Мы женаты понарошку, – сказал Уле-Александр, – но я был на одной настоящей свадьбе. Там у невесты было красивое белое платье, её привёл в церковь нарядный мужчина, а там уже внутри она встретила другого и с ним вышла из церкви, и это они уже поженились.

– Жирниться только очень большие могут, – вздохнула Ида.
– Говорят «жениться», а не «жирниться», – наставительно сказал Уле-Александр. – Мы могли бы одеться во взрослую одежду. Все бы подумали, что мы совсем большие. И нас бы поженили.

– На чердаке много разной одежды, – сказал Монс.

И правда, тут висели летние платья его мамы, огромное пальто папы и ещё много чего интересного.

– Ида, вот тебе красивое платье, – показал Уле-Александр на длинное лёгкое платье. – Монс, а можно мне взять пальто?

– Ага, – сказал Монс. – Я надену пиджак. А брюки не стану, а то запутаюсь и упаду.

– Мне нужна шляпа, – сказал Уле-Александр. – А то у этого пальто такие плечи широкие, что голова кажется булавочной головкой.

– Я знаю, где лежит шляпа, – кивнул Монс и вытащил большую коробку. В ней лежал чёрный папин котелок.

В шляпе Уле-Александр сразу стал очень высоким. Он взглянул на Иду – платье было ей к лицу. На голову как фату она повязала старую занавеску.

– Ещё одно надо, – вспомнил Уле-Александр. – Та невеста в церкви несла букет. Монс, у тебя цветы есть?

– Нет. Есть только в горшках, которые на окне стоят. Кажется, там один был с красным цветком.

И правда – на окне стоял горшок, а в нём среди больших зелёных листьев краснел цветок.

– Он нам годится, – сказал Уле-Александр.

– Я буду нести целый горшок? – гордо спросила Ида.

Она прижала горшок к себе – теперь процессия могла тронуться в путь.

На улице все смотрели на них как-то странно, а одна дама спросила: «А родители вам разрешили?»

Ида отдала горшок Монсу, подобрала повыше длинное платье – под ним виднелся комбинезон.

– Бежим! – крикнула она. – А то очень много вопросов спрашивают.

– Видишь шпиль церкви? – спросил Уле-Александр. – Бежим туда!

Ему приходилось прижимать рукой шляпу, а то она елозила по голове и норовила соскочить. Они добежали до перекрёстка со светофором. Он показывает людям, когда можно переходить дорогу. Сначала он светит красным, потом жёлтым, а потом зелёным.

– Мы идём на зелёный, – сказал Уле-Александр, потому что так его научили мама с папой.

– Ну нет, – заявила Ида. – Я люблю красный цвет, он гораздо красивее. Я пойду на красный.

– Нельзя! – вскрикнул Уле-Александр. – Тебя машина задавит! Я точно знаю.

Он держал Иду за платье, она вопила и топала ногами.

– А я пойду на жёлтый, – спокойно сказал Монс, – об этом вы ничего не говорили.

К счастью, одна дама рядом с ними слышала их разговор и вмешалась.

– Вам надо дождаться зелёного, – сказала она. – Красный свет – дороги нет, жёлтый – готовимся, а на зелёный идём. Видите, как раз зажётся зелёный. Пойдёмте все вместе на ту сторону.

Иде пришлось согласиться, но она шла с очень сердитым видом и смягчилась только, когда дама сказала:

– Ты выглядишь как невеста прямо.

– Ага, – радостно кивнула Ида, – я замуж сегодня выхожу.

И пока она говорила, она и думать забыла о своей обиде из-за зелёного света, потому что ей было весело с Уле-Александром и Монсом.

– Хорошо, что идти недалеко, а то это пальто ужасно тяжёлое. Монс, ты входи в церковь вместе с Идой, а я буду ждать внутри, и мы с ней поженимся.

Церковь была прямо перед ними. Она возвышалась безмолвная и торжественная. Ребята остановились в нерешительности.

– Думаете, нас не будут ругать, если мы внутрь зайдём? – спросил Монс.

– Надеюсь, дверь заперта, – ответил Уле-Александр.

– И нам придётся уйти домой просто так? – спросила Ида.

– Ну нет, мы можем жениться прямо на церковной лестнице, – сказал Уле-Александр. – Монс, ты будешь пастор – только сначала приведи её ко мне в церковь.

Уле-Александр встал перед дверьми, а Монс с Идой поднимались по лестнице.

– И как будто играет музыка, – сказал Уле-Александр. – На той свадьбе, где я был, музыка была очень красивая.

Ида с Монсом дошли до верхней ступени.

– Здравствуйте, здравствуйте, – сказал Уле-Александр и шагнул им навстречу, но тут Монс заупрямился:

– Лучше я на ней буду жениться, а ты становись пастором!

– Нет, я хочу стать госпожой Тилибом-бом-бом, – ответила Ида.

– Ну и ладно, – буркнул Монс. – Что ваш пастор делать должен?

– Ты должен просто спрашивать, хотим ли мы жениться, – объяснил Уле-Александр. – Спроси сначала меня.

– Ты хочешь жениться, Уле-Александр?

– Хочу точно.

– Ты хочешь жениться, Ида?

– Да, только я не хочу всё время ходить в этом длинном платье. И чур ты сам тащишь домой горшок с цветком, Монс.

– Значит, поженились, – сказал Монс.

– На той свадьбе было не совсем так, но уже не переделаешь, – сказал Уле-Александр. – Теперь бегом домой, бедная Петра нас заждалась.

Монс взял цветок, Ида подняла подол платья, Уле-Александр прижал шляпу, и они побежали. У трудного перекрёстка Ида в этот раз не скандалила, а как паинька спокойно дожидалась зелёного света.

– Вот молодчина, жёнушка, – похвалил её Уле-Александр.

Мама Монса уже была дома и смотрела в окно. Сначала она увидела Монса с цветком и в пиджаке.

– Где ты гулял с моим красным цветком? – спросила мама.

– На лестнице у церкви. Я был дедушкой и пастором.

Тут мама увидела Иду в красивом летнем платье.

– А ты почему надела моё платье? – спросила мама.

– У меня свадьба была, – ответила Ида, – на ступеньках у церкви.

Последним прибежал Уле-Александр в пальто и котелке.

– Это слишком, – только и сказала мама, но Уле-Александр затараторил с места в карьер:

– Сейчас мы всё вернём. Мы уже женились, ваша одежда нам больше не нужна.

Сперва казалось, что мама Монса ужасно сердится. Но она улыбнулась. Первая несмелая улыбка быстро сбежала с лица и снова сменилась суровостью. Но вот мама улыбнулась опять, ненадолго нахмурилась, а потом расплылась в широкой улыбке до ушей и сказала:

– Что же, поздравляю вас. И приглашаю отведать праздничного пирога.

– О, я с радостью, а то я очень проголодался с этой свадьбой, – ответил Уле-Александр.

– Но сперва я помогу госпоже Тилибом-бом-бом снять платье, – сказала мама Монса.

– Оно почти не испачкалось, потому что я его поднимала, – ответила Ида.

– Оно хорошо стирается, – сказала мама Монса.

И дала каждому большую булку с изюмом и по стакану напитка из варенья. В этот раз они не мучились, о чём бы поговорить, а болтали и хохотали совсем как взрослые.

Уле-Александр показалось, что кто-то зовёт его.

– Ой, мне на прогулку пора, – крикнул он и сорвался с места.

– Мы сейчас доедим и тебя догоним, – степенно сказал Монс.

Пока Уле-Александр с мамой шли в парк, он успел всё ей рассказать:

– Я теперь по-настоящему женатый, мама?

– Нет. Но хорошо, что ты уже выбрал, на ком женишься, когда вырастешь. Тогда тебе потом не придётся мучиться, искать невесту. Но знаешь, я очень рада, что ты ещё поживёшь с нами.

– Я всегда буду с вами жить, – ответил Уле-Александр и побежал к ребятам из своей прогулочной группы. В этот день у них было столько дел, что о женитьбе ему и вспомнить некогда было.

У ЗУБНОГО ВРАЧА

Уле-Александр чистил вечером зубы. Он обожал это занятие, особенно полоскать рот. Поэтому чистил он зубы быстро, раз-два-три, а полоскал долго и громко. Он набрал полный рот воды и стал полоскать, напевая при этом песенку – чтобы вода смешно щекотала горло, как он любил.

– Уле-Александр, долго ты ещё? Уже почти восемь, тебе давно пора спать.

– Гхрхгр, – пророкотал Уле-Александр, что означало: «Сейчас дополощу и лягу», – и завёл новую песню.

– Нет, молодой человек, на сегодня довольно. Кстати, хорошо ли ты чистишь зубы? Ты ведь с лета чистишь их без присмотра.

– Ага. И полощу с лета тоже без присмотра, – гордо ответил Уле-Александр.

– Открой-ка рот, я посмотрю, что там творится. Ой, да у тебя дырка. Иди сюда на свет. Теперь смотри в зеркало – видишь дырку?

– Это где тёмное пятнышко?

– Да. Ой, доктор будет меня ругать, что я плохо слежу за твоими зубами.

– Ты ему лучше не говори.

– Придётся сказать. Я позвоню ему завтра и запишу тебя на приём.

– Нет, нет. Мы с Монсом поклялись никогда не ходить к зубному врачу.

– Мне кажется, вы не подумали об одной важной вещи – гораздо приятнее лечить зуб, пока он не болит. Зубы болят ужасно больно.

– Разве?

Уле-Александр ещё ни разу к зубному врачу не ходил, но помнил, что тётя Марен после такого визита почти не могла говорить. Мама спросила, было ли больно, и тётя Марен выпучила глаза и часто-часто закивала головой, давая понять, что было жутко больно.

Шли дни, мама о зубном не заговаривала, и Уле-Александр решил, что она забыла. Но он проявлял осторожность – по вечерам теперь полоскал рот очень коротко и тихо, лишь бы мама не вспомнила о его дырявом зубе. Но однажды за завтраком она сказала:

– Уле-Александр, сегодня ты не пойдёшь в парк. Тебя ждёт зубной врач.

– Зачем ты сказала? Расстроила меня.

– Как же мне было не сказать, если нам сегодня к нему идти?

– А ты не могла сказать, что мы пойдём пройдемся? Или что у нас одно дельце?

– Нет, – сказала мама. – Я не люблю морочить тебе голову.

Уле-Александр стоял у окна, а по улице с рюкзачками на спине вереницей шли в парк ребята.

– Везёт им, – вздохнул Уле-Александр. – Будут играть в парке.

– Ты тоже туда ходишь каждый день. И может быть, ещё успеешь и сегодня к концу прогулки. Расскажешь ребятам о зубном враче.

– А что о нём рассказывать? Там разве интересно?

– Да, там как мастерская по починке зубов. Давай-ка чисти их хорошенько, и пойдём.

Пока они ждали трамвай на остановке, Уле-Александр расспрашивал маму:

– Нам далеко ехать?

– Да, довольно далеко.

– Очень хорошо. А ещё лучше, если бы мы ехали туда весь день и всю ночь и утром тоже ехали долго-долго, а когда приехали, доктор бы крепко спал, а мы бы уже так хотели есть, что сразу поехали бы домой.

У всех пассажиров в трамвае лица были кислые и мрачные, тоже к зубному едут, сразу понял Уле-Александр. Самым несчастным выглядел старичок в углу, он вздыхал и бормотал: «Ой, подумать страшно».

Уле-Александр всё время кидал в его сторону сочувственные взгляды. Ему было ужасно жаль старичка, он даже собственный страх забыл. А потом не выдержал, встал и подошёл к нему.

– К зубному врачу едешь? – спросил он.

– Ой, подумать страшно, – сказал старичок.

– Наверно, ты тоже в первый раз к нему идёшь, – понял Уле-Александр. – Это не страшно, не бойся, – сказал он и бережно похлопал старичка по руке.

– Что ты сказал, сынок? – спросил старичок. – Я очень плохо слышу.

– Ты тоже к зубному? – закричал Уле-Александр во всё горло.

– Я? Нет. У меня давно зубов нет.

– А почему ты такой грустный?

– Да вот думаю, каково мне было бы снова стать таким маленьким мальчиком, как ты.

– Плохо бы тебе было, – грустно сказал Уле-Александр.

Весь трамвай слушал их разговор, и теперь все засмеялись. Уле-Александр догадался, что один он из всего трамвая едет к зубному. «Бедный я, несчастный», – подумал он.

– Мы выходим, – сказала мама.

– Жалко, – печально ответил Уле-Александр.

– Вот этот дом, – показала мама. – Вот дверь, заходи. И пошире открывай рот.

– Хорошо, – кивнул Уле-Александр и, едва войдя в приёмную, сразу широко открыл рот.

Мама шла впереди него, она увидела свободный стул и села.

– Уле-Александр, садись. Возможно, нам придётся подождать.

– Хоохо, – ответил Уле-Александр.

– Нет, сынок, пока рот можно закрыть. Доктор тебя не видит, он там за дверью. – И она показала на дверь.

– Он ждёт, пока нас много соберётся, чтобы чинить всех сразу? – спросил Уле-Александр.

– Нет, он лечит по одному.

– Мам, если я потом не смогу разговаривать, спроси меня, не хочется ли мне чего-то в награду. А я просто кивну, и это будет «да».

– Я же тебе объясняла – ты сможешь говорить.

– Тётя Марен не могла, – серьёзно ответил Уле-Александр.

– Видишь ли, мой хороший, тётя Марен первый раз пришла к врачу уже взрослым человеком. В детстве никто её к врачу не водил. В тот раз, который ты запомнил, ей вырвали чуть не все зубы, потому что чинить их было уже невозможно. Неудивительно, что у неё всё болело.

– Хорошо, что ты сказала, а то я всё время её вспоминал, – признался Уле-Александр.

Тут открылась дверь, и вышла какая-то тётя-хохотушка. «До понедельника!» – сказала она и засмеялась так радостно, точно мечтала вернуться сюда в понедельник. Потом подошла к зеркалу, открыла рот и принялась рассматривать свои зубы. Она открывала и закрывала рот, растягивала губы в улыбке и придирчиво всматривалась в отражение. В последний раз улыбнулась ему и ушла очень довольная.

Уле-Александр сжался, вцепился в мамину руку и не мигая смотрел на дверь.

– Мне опять страшно.

– По-моему, я гораздо больше боюсь, – сказала мама.

– А ты чего боишься?

– Теперь врач принимает ребят с трёх лет. А я тебя не водила к нему, меня будут ругать, что я такая плохая мама.

– Мама, не бойся, я с тобой.

Дверь распахнулась, и медсестра в белом халате сказала:

– Заходи, Уле-Александр Тилибом-бом-бом.

– Уле-Александр, поздоровайся, – напомнила мама.

– Я же её не знаю. Почему она меня знает, а я её – нет?

– Я тебя не знаю, – объяснила медсестра, – но мама назвала твоё имя, когда записывала тебя на приём. Но ты заходи, познакомимся.

В кабинете зубного врача всё оказалось белым – стены, шкафчик, халат на враче. И большая машина, в которой что-то жужжало.

– Мне залезать на неё? – спросил Уле-Александр.

– Нет, садись сюда, – сказал врач и показал на кресло под большой яркой лампой.

– Мама, садись, – галантно предложил Уле-Александр, – я постою.

– Какой воспитанный мальчик, – сказал врач. – Но ты не волнуйся, я дам маме стул, ей стоять не придётся.

Уле-Александр понял, что всё-таки придётся сесть на это кресло под лампой.

– Это очень интересное кресло. Оно поднимается, сейчас увидишь.

Доктор нажал на педаль, и Уле-Александр почувствовал, что едет вверх.

– Не хуже, чем у парикмахера, – сказал Уле-Александр. – А у тебя тоже есть такая пахучка для волос?

– Нет, – ответил доктор. – Думаешь, она бы мне пригодилась?

– Да, – уверенно ответил Уле-Александр.

– Зато у меня много другого интересного, чего у парикмахера нет, – похвастался доктор. – Смотри, сколько у меня разного инструмента.

– Это всё штуки, чтобы меня чинить?

– Не все, но сейчас мы возьмём вот эту, – сказал врач и достал большую толстую загнутую ковырялку. – Скажите, пожалуйста, а почему вы не привели ко мне мальчика раньше? Зачем надо было доводить дело до дыры такого размера?

– Хохорохо, – промычал Уле-Александр.

Врач вынул инструмент изо рта Уле-Александра и спросил:

– Ты что-то сказал?

– Маму ругать нельзя. Она боялась сюда идти, а я обещал, что не дам её в обиду, – сказал Уле-Александр.

– Вот оно что. Тогда молчу. Давай лучше заделаем твою дырку.

Над Уле-Александром висело что-то странное. Такая как будто бы кривая лампа, а к ней был приделан толстый металлический как будто карандаш без грифеля. Врач потянул карандаш вниз и заглянул ему в головку. Потом достал целую коробку с разными остриями. Врач подцепил одно пинцетом и вставил в карандаш.

– Теперь смотри – я нажимаю на педаль, и бур крутится. Тебе видно?

– Видно.

– Он нужен, чтобы вычистить дырку и в ней не осталось никакой грязи и бактерий, тогда можно будет поставить пломбу. Но про неё надо знать ещё кое-что. Слышишь, как она жужжит?

– Слышу. В ней зверь сидит?

– Нет, это сама машинка жужжит. Но когда она жужжит во рту, то она грохочет гораздо громче. И тогда мы играем, как будто это самолёт летает во рту и распугивает всех Кариусов и Бактериусов¹. Ты слышал о них в «Детском часе»?

– Ааа, – промычал Уле-Александр.

– Ну вот. Сейчас мы на них поохотимся.

Дррррр – задребезжало всё в голове у Уле-Александра.

Врач не обманул. В голове кругами летал самолёт. Сперва Уле-Александр зажмурился и только слушал, но подумал, что так доктор примет его за спящего, открыл глаза и уставился на яркую лампу. Тут глаза затеяли с ним шутку – ламп вдруг стало много... Уле-Александр отвёл глаза и стал искать, на что посмотреть. Ближе всего были брови врача, они поднимались и опускались, видно, трудились очень напряжённо. Уле-Александр чуть не рассмеялся, такое это было странное зрелище.

– Если будет больно, пошевели мизинцем, – попросил врач.

Врач сверлил, а мама напряжённо следила за ним. Она провожала глазами каждое движение доктора, бура и Уле-Александра, когда он полоскал рот. Мама так переживала, что тоже открыла рот.

– Взгляни на маму, – шепнул доктор.

– Мама, тебе пока рано рот открывать. Хочешь, можешь после меня тоже починиться.

¹ «Кариус и Бактериус» – очень известная сказка Турбьёрна Эгнера о том, как во рту у мальчика-сладкоежки поселились бактерии и развился кариес в зубе, но доктор их вычистил вон.

– Ой, я нечаянно, – сказала мама.

– Не волнуйся, – сказал Уле-Александр, – всё отлично.

Доктор сверлил, но у пациента вдруг страшно зачесался нос. А почесать его Уле-Александр боялся, чтобы ненароком не задеть руку доктора – тогда этот самолёт может наделать бед во рту.

Уле-Александр пошевелил мизинцем.

– Больно? – спросил доктор и вытащил машинку.

– Нет. Просто нос чешется.

Доктор ещё посверлил и сказал:

– Ну, вот и готово, – и отодвинул вбок свою кривую лампу. – Посмотрим, красивую ли пломбу нам намешали.

Медсестра стояла наготове и держала пинцетом блестящую серебряную пломбу.

– Хороша красавица, – сказал доктор, упихал её Уле-Александру внутрь зуба, подул прямо в рот тёплым ветерком – и всё.

– Ты большой молодец, – похвалил доктор Уле-Александра. – Хоть ты и не шевелил мизинцем, я знаю – тебе было немножко больно, очень уж большая дырка.

– Да, – сказал Уле-Александр, – немножко больно было, но я решил тебя обхитрить.

– В другой раз придёшь? – спросил доктор. – Только не жди, пока дырка делается огромной.

– У тебя тут много интересного, – сказал Уле-Александр. – Наверно, я ещё приду.

Мама взяла его за руку, и они вышли в коридор. Уле-Александр кинулся к зеркалу, разинул рот и стал любоваться пломбой.

– Два часа не ешь, – крикнул доктор из кабинета, – а то вся моя работа пойдёт насмарку. Пока!

– Ну вот, – протянул Уле-Александр. – Мама, два часа – это сколько?

– Давай посмотрим. Сейчас час, ты погуляешь в парке до трёх, а потом придёшь домой и поешь, как раз два часа и пройдут.

– А я уже голодный, – печально сказал Уле-Александр.

Все люди в трамвае по дороге домой были весёлые. Во всяком случае, Уле-Александру они казались весёлыми, потому что он сам был в прекрасном настроении и в парке ещё издали закричал ребятам:

– А я был у зубного врача!

Ребята сгрудились вокруг Уле-Александра, а он рассказывал всё подробно.

– А больно было? – спросил мальчик по имени Ханс.

– Я чувствовал, что он сверлит, – ответил Уле-Александр. – Но было не так больно, чтобы шевелить мизинцем. Открывайте рты, я проверю, что у вас с зубами. Ханс, тебе надо к доктору. Я, когда вырасту, буду зубным врачом, можешь до тогда подождать.

Уле-Александр осмотрел всех. Почти все они уже познакомились с зубным врачом, но Малыш Пол-из-палисадника у него ещё не бывал, а ни одной дырки у него во рту Уле-Александр не нашёл.

– Не повезло тебе, – сказал он с сожалением, – ни одной дырки нет. Не видать тебе зубного врача.

Малыш Пол зарыдал так отчаянно, что Уле-Александр сразу пожалел о своих словах.

– Ты всё-таки можешь попробовать. У доктора такая отличная ковырялка, он сумеет наковырять у тебя что-нибудь. И ты, во всяком случае, посмотришь, какие у него там инструменты.

Вечером Уле-Александр чистил зубы с прежней радостью. Он полоскал рот громко-прегромко и очень долго.

– Уже хватит, – сказала мама. – Тебе спать давно пора.

– Грроого, – пророкотал Уле-Александр. Это означало «Сегодня я был молодец у зубного врача и заслужил полоскать рот, сколько хочу».

Мама тоже так думала, потому что больше ничего не сказала и не стала загонять его в кровать, пока он не пропел все свои полоскательные песни.

КОВБОЙ

– **М**ама, иди скорей! Смотри! – Уле-Александр стоял у окна и глядел на улицу.

– Что случилось?

Мама прибежала встревоженная, потому что Уле-Александр вопил как оглашенный.

– Видишь мальчика-ковбоя?

Мама выглянула в окно и увидела маленького мальчика в большой ковбойской шляпе. Он поигрывал кольцом с очень гордым видом.

– Мама, а можешь мне тоже такую купить?

– Нет, не могу. Я уже сто раз тебе объясняла, что, если мы будем покупать все странные вещи, которые ты просишь, нам на еду денег не хватит.

– Правда говорила, – сказал Уле-Александр. – Я забыл.

– Но если хочешь поиграть в ковбоя, можешь взять мою старую шляпу. Я её не ношу.

С этими словами мама достала из шкафа старую фетровую шляпу.

– Не очень она красивая. И совсем не ковбойская.

– Да, – кивнула мама, – зато у неё поля широкие.

Она достала клубок толстой красной пряжи и взялась переделывать шляпу в ковбойскую. Сперва вышила на донышке красную лошадку. Потом попросила Уле-Александра подержать клубок, а сама пошла к двери.

– Уле-Александр, стой на месте и держи клубок крепко, не урони.

Уле-Александр не мог понять, что она затеяла. А очень хотел.

Мама пропустила нить в дверную ручку, вернулась назад к Уле-Александру и протянула ему второй конец.

– Мы будем прыгать в резиночку? – спросил Уле-Александр.

– Нет. Теперь мы будем держаться каждый за свой конец и натянем шнур. Понял, что я хочу сделать?

– Похоже на шнур, только очень длинный и слишком тонкий.

Мама тянула изо всех сил, Уле-Александр как мог тащил в свою сторону.

– Уле-Александр, теперь иди ко мне и отдай мне в руки свой конец.

Шнур сложился, теперь он был толстый и как раз нужной длины.

– Интересно ты сделала, – сказал Уле-Александр.

Мама пришила шнур на шляпу по кругу вдоль тульи, и ещё осталось на завязку под подбородком. Настоящая ковбойская шляпа была готова.

– Теперь мне только кольт нужен. Сделаешь? – спросил Уле-Александр маму.

– Этого я не смогу, – сказала мама. – Но могу предложить кое-что другое. Им ковбои гораздо чаще пользуются.

– А что?

– Лассо, – ответила мама и принесла старую бельевую верёвку с красивой петлёй на конце.

– Смотри! – крикнула мама и кинула лассо. Оно просвистело через всю комнату и красиво обернулось вокруг торшера. Он качнулся вперёд, назад и стал падать.

– Ковбои ловят и лампы тоже? – спросил Уле-Александр.

– Нет, они ловят мустангов. Скачут верхом на лошадях и кидают лассо.

– Верхом на диких лошадях? – уточнил Уле-Александр.

– Нет, скачут они на простых домашних лошадях. Ковбои своих лошадок очень любят, они же всё время вместе. И вот ковбой скачет по прерии и видит вдали табун диких мустангов. Он несётся к ним галопом, кидает лассо и ловит самого красивого мустанга.

Мама увлеклась, Уле-Александр смотрел на неё круглыми глазами и видел её перед собой верхом на коне в погоне за мустангами.

– Мама, а откуда ты знаешь? Ты была в прерии?

– Нет, не была. Но я уверена, что всё как раз так.

– И я уверен.

Уле-Александр взял лассо, сел на игрушечную лошадку. Мама ушла на кухню, но туда долетал голос Уле-Александра. Он ни секунды не молчал: то пел, то болтал, а несколько раз попробовал и то и другое разом. «Я ковбой, скачу на своей ковбойской

лошади, а вдали огромный табун диких мустангов. Я врезаюсь в него на всём скаку!»

– Я скачу как заводной,
Я ковбой, ковбой, ковбой,
Я скачу, скачу, скачу
И лассо кручу, кручу.
Видят все, что я ковбой,
Конь ковбойский подо мной.
И гнедой, и вороной.
Верный конь любимый мой
Скачет, скачет, скачет, скачет
Верный конь мой вороной.
Видят все, что я ковбой,

Смелый, храбрый, боевой,
У меня и шляпа есть,
У меня и шляпа есть,
У ковбоя шляпа есть,
Вот такая шляпа есть.
Я скачу, скачу, скачу
И лассо кручу, кручу,
Я его кидаю ловко,
Всем видна моя сноровка.
И ловлю мустангов ловко,
Очень-очень-очень ловко,
Буду я скакать всегда,
Не устану никогда,
Потому что я ковбой!
О-го-го-го-го-гой!

- Мама, у ковбоя жена есть?
- Наверно, у некоторых есть.
- Тогда чур я возьму с собой жену-ковбойку, лассо – и айда искать диких мустангов.

У Иды глаза стали как блюдца, когда она увидела Уле-Александра. Она едва узнала его.

- Тётя Петра, иди скорей! Уле-Александр стал ковбоем! Можно я тоже стану ковбойкой?

– Конечно, – согласилась тётя Петра. – Повяжи на шею красное полотенце, а твою зюйдвестку¹ повернём задом наперёд, и будет отличная ковбойская шляпа.

– Остался Монс, – сказал Уле-Александр. – Он, конечно, обидится, если мы будем охотиться на мустангов без него. Пойдём сходим за ним. Он удивится!

¹ Зюйдвестка – морская шляпа с широкими полями из непромокаемого прорезиненного материала, обычно жёлтого или чёрного цвета.

Но Монса им удивить не удалось. Он увидел их в окно, повязал вместо пояса красный шарф, надел папину шляпу и, когда они позвонили, открыл им дверь ковбой ковбоем.

– А я вас в окно увидел, – сказал он.

– Эх. Иначе б ты удивился, – вздохнул Уле-Александр. – Пошли с нами ловить мустангов. Надо только сперва научиться лассо кидать.

Они пошли к Монсу во двор и стали учиться набрасывать лассо на столб от ворот. Накинуть его так, чтобы оно красиво скользнуло вниз по столбу, не получалось, но они засчитывали, если лассо просто ударит о столб. Значит, ковбой кинул лассо в нужную сторону.

– Ну всё, – решил Уле-Александр, – мы готовы к охоте. Жалко, что сами мы не верхом, но мой конь был такой грустный с утра, что я решил оставить его дома.

– И с моим та же беда, – кивнула Ида. – У него ещё и сопلي, кажется.

– А наш захромал, – грустно сказал Монс. – Поэтому мы не взяли его с собой в город, но папа обещал, что мы съездим его проведать.

– Это взаправдашний конь? – зашептала Ида на ухо Монсу. – Мы с Уле-Александром говорим о наших ковбойских конях. Какбудтошних.

– А-а, – протянул Монс.

– Верхом мы бы сейчас пустили наших коней галопом, врезались в табун мустангов и набросили им лассо на шею. Но раз мы пешком, придётся нам подбираться к ним незаметно.

– Давайте спрячемся в засаде, – предложил Монс.

Они шли по улице и как раз проходили комнатку привратника в арке дома.

– Вот отличное место для засады, – сказал Уле-Александр.

– Только чур мы не будем лежать в засаде. Лучше сядем, а то я вся перепачкаюсь, – сказала Ида.

– Да, будем сидеть в засаде. Только перестань болтать, мустанги пугливы.

– Они нас, что ли, боятся?
– Ещё как. Мустанги никогда людей не видели. Они жили в прериях и поэтому всегда настороже и поймать их трудно, – растолковал Иде суть дела Уле-Александр.

– Наверно, они думают, что мы большие звери, – сказала Ида.

– Тсс, тише! Слышите топот?

Он изготовился кидать лассо, но мустанги не прибежали, только огромный табун машин промчался мимо по улице.

– Может, нам машину поймать? – предложила Ида.

– Времени у нас много, – ответил Уле-Александр. – Наверно, придёт до ночи ждать. Выйдет луна, и звёзды высыпают.

– Ну нет, – сказала Ида. Ночью я люблю спать дома в своей кровати. Тем более ночью холодно и темно.

И тут они услышали странный звук. Явно не машина. Они осторожно высунулись из арки – по улице трусила лошадка.

– Вид у неё очень дикий, – сказал Уле-Александр.

– Тсс, – шикнула Ида.

– Ломовая лошадь, – со знанием дела сказал Монс.

Лошадка была всё ближе. Она тащила повозку, а в ней сидел человек.

Вот она поравнялась с аркой, Уле-Александр поднял руку и стал раскручивать лассо. Он вращал его над головой, но никак не мог бросить. Лошадь оказалась гораздо больше, чем он воображал. И вид у неё был сосредоточенный, как будто она думала о чём-то важном. Не хотелось её отвлекать.

– Нет, не дикий у неё вид, – сказала Ида.

– Мы можем её напугать, – добавил Монс. – Когда я жил на хуторе, нам запрещали пугать лошадей.

– Тем более этот дядька уже её поймал, – сказал Уле-Александр с большим облегчением. Пока они разговаривали, лошадка уже пробежала мимо них, ещё минута – и бросать лассо будет поздно. То есть надо просто ещё минутку поговорить. – Я, когда вырасту, заведу себе лошадь и буду везде скакать верхом.

– И я, – сказала Ида.
– Лошадь точно домашняя, тем более она уже далеко, – сказал Монс.

– Как жалко! – притворно вздохнул Уле-Александр. – На что ж мы будем кидать лассо теперь?

Он выглянул на улицу и посмотрел налево и направо.

– Папа идёт, – прошептал он. – Давайте поймаем его, как будто он понарошку мустанг. Хоть кого-то поймаем.

Папа Уле-Александра не спеша брёл домой с работы.

«Сейчас приду поболтаю с Уле-Александром, – мечтал папа, – он такие смешные вещи выдаёт». Он очутился напротив привратницей, Уле-Александр кинул лассо. Оно не обхватило красиво папину шею, а только сбilo с него шляпу, и она покатилась по улице.

– Что такое? – крикнул папа и кинулся догонять шляпу.

– Папа, ты мустанг, а мы тебя ловим, – крикнул Уле-Александр ему в спину.

– Фола, фола! – закричал Монс.

– Ах вот что, – сказал папа.

– Только стой тихо, пока мы лассо надеваем, – попросил Уле-Александр.

– Стою.

Папа отлично сам поймался в лассо и сказал:

– А теперь держитесь! Настоящий дикий мустанг – это не шутка.

И папа стал скакать, лягаться и ржать, трое ковбоев вцепились в верёвку, а папа помчался по тротуару.

– Таких диких я не видел, – прохрипел Монс.

– Тпру, тпру! – кричал Уле-Александр, но папа нёсся дальше. У большого высокого дома он рысью пробежал несколько кругов, а потом взял с места в карьер и рванул вверх по лестнице. Ковбои болтались сзади. На седьмом этаже он заржал так громко, что мама Уле-Александра выскочила на площадку.

– Мы поймали мустанга, – просипел Уле-Александр.

– Он совсем необъезженный, – сказала мама. – Надо срочно поставить его в стойло, а то никогда не знаешь, что он выкинет.

Она взяла папу за галстук и завела в дом, ковбои подпихивали его сзади. В квартиру все четверо ввалились совсем без сил.

Мустанг рухнул в кресло, ковбои повалились на пол. Мама прибежала с четырьмя чашками живой воды, чтобы всех спасти.

– Чур я завтра мустангов не ловлю, – сказала Ида.

– И я тоже, – добавил Монс.

– Их замучаешься ловить, – сказал Уле-Александр.

Но после ужина он всё же сел на свою деревянную лошадку и стал кидать лассо. Бедные мустанги, пробежавшие в тот вечер мимо, – ни один не ушёл от Уле-Александра.

ЗВАНЫЙ УЖИН

Рано утром в дверь позвонил почтальон и опустил в прорезь для газет письмо. «Господину Уле-Александру Тилибом-бом-бому» – написано было на конверте. Адресат тут же вскрыл его, изнывая от любопытства. «Мама, прочти ты, что здесь написано, я ничего не понял», – сказал он. Что было неудивительно, поскольку читать Уле-Александр не умел.

Милостивый государь Уле-Александр Тилибом-бом-бом, имеем честь просить Вас пожаловать в сопровождении родителей на званый ужин по случаю нашей золотой свадьбы. Торжество будет иметь место в отеле «Каролиус» в ближайшую пятницу, съезд гостей к шестнадцати часам. Соблаговолите явиться в костюме-матроске. Засим шлём Вам наилучшие пожелания, бабушка и дед.

– А! – ахнула мама. – Я была уверена, что годовщина на следующий год, а вот на тебе.

- Они жениться будут? – спросил Уле-Александр.
- Нет. Золотую свадьбу празднуют, когда прожили вместе пятьдесят лет.
- Так это праздник. А почему они будут жить в гостинице?
- Они просто будут праздновать там в ресторане. У них две крохотные комнатки, а им хочется позвать всех своих друзей. И тебя пригласили. Ты доволен?
- А что в этом странного? – удивился Уле-Александр. – Дед всегда говорит, что я его лучший друг.
- Там будет вкусная еда. Но тебе не надоест так долго сидеть за столом, как думаешь? На таких праздниках едят очень-очень долго.
- Я выдержу, – ответил Уле-Александр. Он сел на стул, красиво переплёл ноги вместе и замолчал. – Видишь, как я могу? Как мышка. Мы там всю ночь просидим?
- Нет. Мы пойдём днём, после обеда ты поспишь и пойдём. Поужинаем, и тебя заберёт специальная няня, проводит домой и посидит до нашего прихода. А мы с папой вернёмся к ночи ближе.
- Давай лучше тётя Марен со мной посидит. Не нужна нам няня.
- Тётя Марен тоже идёт на праздник. Но ты не волнуйся – это такие особые няни, они караулят малышей, когда родителям надо уйти. Они хорошо умеют ладить с детьми.
- Да, но я-то не малыш, а большой мальчик.
- Уле-Александр стало интересно, как именно эти няни караулят малышей. Неужели как гвардейцы караулят дворец? И у них тоже ружьё и кокарда на фуражке?
- Он много думал об этом оставшиеся два дня, но потом наступила пятница и стало не до няни, столько всего творилось вокруг.
- После обеда его положили вздремнуть, как любят старички иногда. Мама с папой тоже прилегли и быстро заснули. А Уле-Александр крутился, вертелся и никак не мог заснуть. Он сильно зажмурился и захрапел, но и это не помогло. Он залез под одеяло. Тут было темно, как ночью, но жарко и нечем дышать. «Фуф», – сказал

Уле-Александр и снова вытащил голову наружу. Он совершенно отчаялся заснуть и просто лежал, думал про матроску и как оно будет. И тут его сморил сон. Проснулся он оттого, что рядом с кроватью стояла мама в длинном платье и с ниткой жемчуга на шее. Это была совсем другая мама. Очень красивая, очень. Уле-Александру показалось, что он видит сон.

Папа носился по квартире с криками «Кто видел мои запонки?».

– Уле-Александр, пора вставать, – сказала мама.

– Сейчас утро или ночь? – спросил Уле-Александр.

– Почти вечер, – ответила мама. – Вставай.

– Нет, тогда я ещё посплю, – ответил Уле-Александр и повернулся на другой бок.

– Уле-Александр, ты идёшь на золотую свадьбу?

– Конечно, он идёт, – пропел папа, вытащил его из кровати и стал вальсировать с ним по комнате.

Мама принесла матроску, и Уле-Александр проснулся.

Его нарядили, мама сбрызнула ему волосы водой и сделала красивый пробор. Потом сунула ему в кармашек белый носовой платок – Уле-Александр был готов к празднику.

Когда они пришли в ресторан, почти все гости уже собрались.

– А вот и Уле-Александр Тилибом-бом-бом, – сказал дед. – Давненько я тебя не видел, но у меня забот было невпроворот.

– Точно как у меня, – ответил Уле-Александр.

– Уле-Александр, а ты можешь мне помочь? – спросил дед.

– Наверное.

– Мы скоро пойдём к столу, и кавалеры должны вести дам, идти будем пара за парой. И представляешь, сейчас выяснилось, что один гость заболел, поэтому его дама осталась без пары. Сможешь заменить её кавалера?

– Она – это кто?

– Вон та тётя в синем платье. Тебе надо будет поклониться ей, предложить руку, а потом сидеть рядом с ней во время ужина. Справишься?

– Да, – кивнул Уле-Александр, а бабушка громко сказала:

– Прошу к столу!

Дед поклонился бабушке, взял её под руку и повёл к столу. Папа поклонился незнакомой тёте и увёл её следом. Уле-Александр заволновался, где мама, но всё в порядке, её вел к столу неизвестный дядя.

– Приходи садись с нами, сынок! – крикнула она.

– Не могу! – ответил Уле-Александр, – я тоже кавалер с дамой.

Все мужчины подходили к своим дамам, кланялись и уводили их в зал. Оттуда слышалась красивая музыка, играли на пианино.

«Не зевай», – велел себе Уле-Александр. Он подбежал к даме в синем, поклонился, схватил её за руку и потянул за собой:

– Пора. Раз-два, марш!

В зале стоял длинный-предлинный стол, он был покрыт нарядной, белоснежной накрахмаленной скатертью и украшен. Такого стола Уле-Александр ещё никогда не видел. Почти все гости уже сидели, видно, они не любители маршировать под музыку. В отличие от Уле-Александра. Он так и сказал своей даме:

– А мы будем долго ходить под музыку вокруг стола.

– Давай лучше сядем, а то всё без нас съедят, – засмеялась дама.

Они сели за стол, места их оказались очень далеко от мамы с папой, и Уле-Александр расстроился. Но мама была так восхищена, как красиво Уле-Александр провёл свою даму к столу, и так радостно махала, что Уле-Александр приободрился и сдержанно махнул ей в ответ один разочек.

Сначала подали суп. Уле-Александру налили супа, как взрослому, и он испугался, не отстанет ли от всех. Взял ложку и ел не отрываясь, пока не покончил с супом. Тогда он поднял глаза, и оказалось, что у всех ещё полные тарелки. Они чинно разговаривали и ели в час по чайной ложке. «Очень странно, – подумал Уле-Александр, – я всех перегнал и уже наелся».

Весь стол был заставлен тарелками. Сколько же их убирать придётся, подумал Уле-Александр. Дома он всегда помогал маме, вот

и теперь он вылез из-за стола и понёс тарелку дяде в белом фартуке. Это был официант.

– Где тут у вас кухня? – спросил Уле-Александр. – Куда нести тарелку?

– Спасибо, – сказал официант, – ты хороший мальчик. Но сегодня мы всё приносим и уносим сами, а ты садись на своё место, потому что сейчас подадут второе блюдо.

– Я уже почти объелся, – сказал Уле-Александр. – Но я сяду на своё место, я обещал маме сидеть за столом долго.

Официанты унесли суповые тарелки и притащили огромные блюда с мясом, морковкой и ещё чем-то непонятным. Уле-Александр внимательно смотрел, как официанты ловко управляют

с блюдами, а когда оглянулся, на тарелке у него громоздилась гора еды.

Мясо надо резать ножом, но он оказался упрямым, всё время выскользывал из рук и ничего не резал. Лучше закину в рот кусок целиком, и дело с концом, решил Уле-Александр и разинул рот во всю ширь. С большим трудом он упибал туда всё мясо и принялся жевать. Он жевал, жевал, но странное дело – мясо как будто разбухало во рту. Уле-Александр дожеввался уже до слёз на глазах, но всё без толку. И проглотить его он тоже не решался. И мечтал только об одном – чтобы мама обратила на него внимание, но она болтала, смеялась и не вспоминала об Уле-Александре.

Наконец он придумал – надо просто доползти до мамы под столом, а уж она скажет, что ему делать. Улучив минуту, когда его дама повернулась к соседу с другой стороны, Уле-Александр тихо сполз со стула.

Под столом оказался густой лес ног. Вперемежку шли брюки с огромными чёрными ботинками и дамские длинные шёлковые платья с разными странными туфлями.

А у мамы-то какие туфли? Э-эх, об этом он не подумал, а какого цвета платья, под столом было почти не разобрать. Он прополз подальше, потому что мама сидела от него далеко, и пока полз, непрерывно жевал непокорное мясо.

Он остановился перед парой ног, обтянутых шёлком. Мама тоже в шёлковом платье. Хватит метаться, пора действовать. Если это мама, она догадается, что под столом он и нуждается в помощи. Наклонится и спросит, что случилось. Уле-Александр потянул за платье – тишина. Лучше пощекотать её за ногу, решил он.

Кто-то взвизгнул и завопил:

– Меня царапают за ногу! Тут мыши бегают?!

Поднялся визг в несколько женских голосов. Уле-Александр замер и сидел не шевелясь.

За столом разгорался переполох, но потом раздался спокойный голос деда:

– Никаких мышей здесь быть не может. Кто-то случайно задел вас, ничего страшного.

Мама взглянула на Уле-Александра. Его на месте не было. Она посмотрела на папу, он – на маму. Она подмигнула, и в общей суете папа осторожно сполз со стула и исчез под столом. Он подполз к Уле-Александру.

– Ты ведь не просто балуешься и хватаешь гостей за ноги? – прошептал папа.

Уле-Александр помотал головой и ткнул себя в щеку. Она торчала как мешок у хомяка.

– Ты не можешь проглотить? – тихо спросил папа.

Уле-Александр кивнул.

– У меня есть салфетка. Выплёвывай.

Вы не представляете, как обрадовался Уле-Александр, что наконец-то разделался с нежующимся мясом.

– Я хотел найти маму, – смог теперь прошептать Уле-Александр, – но ошибся ногами.

– Ползи к себе на место.

– Я не хочу, я лучше тут тихо посижу.

– Нет, так нельзя, – сказал папа. – Садись снова за стол, сейчас мороженое принесут.

– Ладно, – кивнул Уле-Александр и пополз на своё место. Он так ловко справился, что никто ничего не заметил. А вот бедный папа чуть не снёс головой стол, пока вылезал. Все разговоры разом смолкли, и гости с изумлением уставились на папу. Он стоял красный, как свёкла, и только промямлил:

– Нет там никакой мыши.

Подносы с мясом уже унесли, и перед Уле-Александром стояло стеклянное блюдце. Принесли мороженое.

Раскладывал его опять официант. Он наверняка думал, что Уле-Александр уже объелся, и положил ему маленький шарик. А мороженое было изумительное, пальчики оближешь. Уле-Александр проглотил всё на раз-два-три и забеспокоился – будет ли добавка?

Тут кто-то постучал ложкой по стеклу. Тётя Марен стала говорить речь про бабушку и деда. Говорила она красиво, долго и даже всплакнула, потому что невесёлое это дело – речи говорить.

Уле-Александр не сводил глаз с официантов. Они стояли с новыми подносами мороженого, но из вежливости не раскладывали его во время речи.

Тётя Марен села, но тут же встал папа, постучал ложкой по стакану и стал говорить.

Уле-Александр посмотрел на него с сожалением. Кто бы мог подумать, что родной папа будет играть за тех, кто не хочет мороженого. Уле-Александр задумался и понял, что происходит – сейчас говорили только докладчики. А что Уле-Александр хочет мороженое, никто не знал и не слышал. После папы поднялась дама. Она комкала в руках носовой платок.

Кстати, вспомнил Уле-Александр, платок у меня тоже есть. Едва дама села, он взял платок в одну руку, ложку в другую и – «звяк-звяк» по стакану.

Гости воззрились на него с изумлением.

– Дорогие дед и бабушка, – громко сказал Уле-Александр, – можно мне ещё мороженого?

– Конечно, – ответил дед. – Это была достойная речь.

Уле-Александру дали столько мороженого, что он едва управился с ним до конца застолья.

Ужин закончился в половине десятого.

– Первый раз я так поздно ещё не сплю, а ем, – сказал Уле-Александр маме. – Мне кажется, детские праздники гораздо веселее. Мне даже жалко деда, он так любит играть.

Мама надела на него пальто, и они спустились по лестнице.

– А вот и наша няня, – сказала мама и приветливо улыбнулась тёте в пальто, шляпе и с большой сумкой. – Пожалуйста, веди себя хорошо, иди домой и сразу ложись спать.

Уле-Александр рассматривал даму, которой поручили его караулить. Она оказалась совсем не похожа на гвардейцев, что караулят

королевский дворец, – ни ружья, ни кокарды. Наверно, в сумке всё носит, решил Уле-Александр, взял её за руку и шагнул на улицу.

Здесь была настоящая темнота, но не темно – всюду горели фонари и светились окна.

Дома Уле-Александр спросил:

- А у тебя ружьё есть?
- Ружьё?
- Ты должна меня караулить, как гвардейцы короля. Разве нет?
- А-а. Да, когда ты ляжешь, мы поиграем, что я хожу перед твоей постелью, как почётный караул.

В этот вечер Уле-Александр в две минуты разделся, почистил зубы и улёгся в кровать.

Няня взяла вешалку как ружьё, вместо кокарды приделала клубок шерсти и, чеканя шаг, прошла мимо кровати Уле-Александра. Он заснул почти мгновенно, хотя изо всех сил старался подольше посмотреть на свою надёжную охрану. Но глаза слиплись, а когда он открыл их, было уже утро. Няня ушла, зато появились мама с папой.

– Когда вы снова пойдёте во взрослые гости, я хочу к моей няне. Мы так здорово играли – я был король, а она мой караул.

- Непременно, ваше королевское величество, – сказал папа.
- У-у, – пробормотала мама. Вид у них с папой был ещё не проснувшийся.

– Вот что значит поздно ложиться спать, – вздохнул Уле-Александр.

СЕКРЕТ

Давным-давно, в самом конце весны, мама сказала Уле-Александру странные слова:

- Тебе кажется, нам втроём хорошо живётся?
- Опять ты Пуфа забыла.
- Да, нам хорошо вчетвером с Пуфом?

- По-моему, да. Кроме когда нам не очень хорошо.
- Ты секреты хранить умеешь?
- Ещё как умею. Помнишь, как я не сказал папе, что ты купила ему на день рождения, хотя очень хотел.
- Тогда я расскажу тебе большой секрет. У тебя родится братик или сестричка. Я жду ребёнка.
- Уле-Александр долго и пристально смотрел на маму.
- Нет, – сказал он наконец. – Ничего подобного.
- Честное слово, – ответила мама.
- Нет, – помотал головой Уле-Александр, – ты ошиблась. Помнишь, мы с тобой видели однажды на улице тётю с огромным животом, и ты сказала, что тётя ждёт малыша. Я спросил, кто тебе сказал, раз ты с тётей не знакома. А ты сказала, что малыш сначала долго растёт в животе у мамы. Посмотри на себя – тощая и без живота. Значит, нет в тебе никакого малыша.
- Понимаешь, сначала малыш – совсем крошка, как креветка, места почти не занимает, но он живёт в животе и растёт много месяцев, и я тоже буду толстеть, – сказала мама.
- Значит, ещё долго, – сказал Уле-Александр.
- Да, долго. И это даже хорошо, мне надо успеть сшить малышу одежду, надо достать колыбельку, его же надо будет куда-то положить.
- Кладите лучше ко мне в кровать. Мы будем с ним болтать перед сном.
- Сначала он не будет разговаривать. Ляльки целый день спят или едят.
- Лёжа едят? – изумился Уле-Александр. – Но нашего пупса ты научишь сидеть за столом как воспитанного ребёнка?
- Конечно, но пока он крохотная креветка и большой секрет.
- Тогда пока будем звать эту креветку Кроха, – сказал Уле-Александр. – Так никто не догадается, о чём мы говорим. А почему это секрет?

– Просто чтобы это был сюрприз для деда с бабушкой и тётёй. Интересно, как они удивятся, когда живот начнёт расти.

– А, чтобы сюрприз не испортить, понимаю.

– И ещё одно – я пока не смогу поднимать тебя, как обычно, потому что из-за Крохи мне ничего тяжёлого поднимать нельзя.

– Ничего страшного, пусть папа меня носит, – сказал Уле-Александр. – Или ему теперь тоже нельзя ничего поднимать?

– Ему всё можно. А вот когда кроветка родится, у нас будет много хлопот. Как ты думаешь, тебе захочется помогать мне ухаживать за ней? Может, ты будешь петь ей песни? Пупсы обожают, когда им поют.

– Тогда нам надо сочинить песню для Крохи, – сказал Уле-Александр. – А я потренируюсь на Петре менять подгузник и переодевать малыша, так что не волнуйся.

Когда папа пришёл с работы, Уле-Александр встретил его хитрой лукавой улыбкой.

– О чём это ты мечтаешь? – спросил папа.

– Думаю о нашем секретике. А можно мне Пуфу рассказать?

– Да, Пуфу надо рассказать, – кивнул папа.

– Гав! – вмешался в разговор сам Пуф.

Шли месяцы, и мама стала уже такая толстая, что все наверняка догадались про малыша. В Рождество мама сказала:

– Думаю, Кроха родится ровно через месяц.

– Думаешь, мальчик или девочка? – спросил дед.

– В этот раз девчонка, – сказала бабушка, а мама ответила:

– Возможно. Мы с Уле-Александром будем рады и братику, и сестричке, да, Уле-Александр?

– Конечно.

– Наша бабушка хорошо угадывает, – сказал дед. – Как бы и правда не девица. Помнишь, когда ты ждала Уле-Александра, бабушка сразу сказала, что это парень.

– Конечно, помню. Ой, опять толкается, – ойкнула мама.

– Да уж, Уле-Александр, с манерами у твоей сестрицы пока неважно, – засмеялся папа, а Уле-Александр подбежал к маме и грозно прокричал животу:

– Не толкай маму! Ей больно!

– Ничего страшного, – успокоила его мама, – это не больно, даже приятно знать, что она сильная и бодрая.

– Я же тебя не толкаю, а я тоже сильный и бодрый.

– Это хорошо, – сказала мама.

У мамы было много дел. Однажды она собралась в город и спросила Уле-Александра, может ли он остаться один и присмотреть за домом. Ездить в город вместе с ним – дело очень долгое. Уле-Александр останавливается перед каждой витриной, и тогда трудно быть спокойной мамой, у которой много спешных дел.

– Можешь позвать Иду с Монсом, – предложила мама. – Я сделаю вам бутерброды и оставлю молоко.

Уле-Александр сбегал и привёл своих гостей, так что, когда мама уходила, у окна стояли и махали ей вслед Уле-Александр, Ида, Монс и Пуф.

– Мама попросила присмотреть за домом, – раздумчиво сказал Уле-Александр. – А как за домами присматривают, не знаете?

– Пусть каждый караулит свою комнату, чур ванная моя! – сказала Ида.

– Я беру спальню, оттуда я могу смотреть на свой дом, – вызвался Монс.

– Моя кухня, а Пуф пусть сторожит гостиную, – сказал Уле-Александр.

Ида открыла холодный кран и набрала воды в мойку. Заткнула её пробкой и запустила в мойку щёточку для ногтей. Она плавала от борта к борту как кораблик.

Монс смотрел в окно на свой дом. Отсюда он казался маленьким и серым. «Вот бы мне такую большую кисточку, чтобы я прямо отсюда дотянулся и покрасил его, – думал Монс. – И большое ведро красной краски, потому что дом надо красить в красный цвет.

Наличники на окнах я сделаю белыми, а на стене дома напишу зелёной краской: “Здесь живёт Монс”. Будет красота!»

Уле-Александр сидел под столом на кухне и играл, что он присматривает за всем большим, высоким домом. И тот стоит твёрдо и спокойно только потому, что это Уле-Александр его караулит.

Первым эта игра наскучила Пуфу. В доме трое ребят, а он должен один торчать в гостиной без всякого дела. Ну уж дудки, на это он не согласен.

– Гав, гав! – залаял Пуф. А потом стал кидаться на дверь и завывать.

Ребята сбежались посмотреть, что стряслось.

– Бедный, скучно тебе одному, – пожалел его Уле-Александр и почесал пса за ухом. Пуф сразу повеселел.

– Хватит нам присматривать, – сказал Уле-Александр. – Давайте играть в дочки-матери. Монс будет нашим сыном, а ты, Ида, ждешь малыша. Им будет Петра, но она пока у тебя в животе.

– Как в животе? – с ужасом спросила Ида.

– Понарошку, – успокоил её Уле-Александр. – Мы возьмём шарф и примотаем её к тебе.

Уле-Александр сбегал в прихожую за своим шарфом, по дороге забрал из спальни Петру и вернулся в гостиную. Он обернул Иде живот шарфом и запихнул в него Петру. Ида решила сесть поближе к столу и взялась за стул, но Уле-Александр закричал ужасным голосом:

– Тебе нельзя поднимать тяжести, дорогая жена. Это вредно Петре. Подожди, я сам поставлю стул. Наша Петра родится через шесть дней, через пять, через четыре, через три, мы ждём её послезавтра, завтра, сегодня! Фокус-покус-алле-оп! – И Уле-Александр развязал шарф.

Петра упала на пол.

– Дорогая, надо ловить ребёнка, когда он родился, – сказал Уле-Александр Иде и подхватил Петру с пола. – Бедная моя, не ушиблась? Познакомься – я твой папа, а это мама и Монс. Он

твой старший брат и будет петь тебе колыбельные на ночь. А теперь, маленькая моя, тебе пора поспать, потому что такие пупсы, как ты, всё время едят и спят.

– Так нечестно, – сказала Ида. – Ты говоришь без остановки, а я ничего не могу сказать.

– Как ты не понимаешь, я же папа. Монс, спой сестричке песенку. Можешь положить её на мою кровать.

– А что петь? – спросил Монс.

– Пой что хочешь, а мы с мамой уйдём, чтобы тебе не мешать.

– Дайте честное слово, что не съедите без меня всю еду.

– Конечно, мы не будем так обижать своего сыночка, – сказала Ида.

Монс присел на пол рядом с кроваткой Петры и спел ей первый куплет из песенки «У Пера когда-то корова была». «Заснула вроде», – сказал он сам себе и пошёл на кухню к остальным.

– Всё, хватит ей спать, надо её переодеть. Я уверена, она описалась.

– Я пойду переодену.

– Нет, нет, – возразила Ида. – Я мама, я сама переодену.

– Это раньше пап к детям не подпускали, а теперь не так, – сказал Уле-Александр. – Папа говорит, что, когда я был малыш, он за мной ухаживал – одевал, купал, качал.

– Тогда по очереди, но я первая. Я мама, – не сдавалась Ида.

Она отнесла Петру в ванную, раздела и сунула в ванночку. Но Петра была не купальная резиновая кукла, а тряпичная, она вмиг промокла насквозь. С неё текла вода. Ида взяла большое махровое полотенце и завернула Иду в него.

– Смотри, какая умница наша малышка, – сказал Уле-Александр.

Он прижал свёрток с Петрой к спинке стула. Спелёнутая полотенцем, она сидела ровно, прямо и спокойно, а Уле-Александр засовывал ей в рот крошки и приговаривал:

– Ай да умница, что за девочка.

– Дайте мне тоже хлеба, – сказал Монс. Он очень проголодался, и ему надоело смотреть, как все кормят Петру.

Раздался звонок в дверь. Пришёл дедушка.

– Ой, деда, а у нас малышка родилась! – завопил Уле-Александр.

– Что ты говоришь? Уже?!

– Да. Сидит на кухне, ест хлеб.

– Сидит? – переспросил дедушка. Он в первый раз слышал, чтобы новорождённый младенец умел сидеть.

– Да, – кивнул Уле-Александр. – Я папа, Ида мама, а Монс старший брат. Ты хочешь быть дед или прадед?

– Наверно, прадед, если я дедушка папы, – ответил дед.

– Я хочу ещё хлеба, – сказал Монс.

– Наш мальчик сегодня ест, как галчонок – не успеваем в клюв класть, – сказала Ида.

– Кушай, кушай, сынуля, – сказал Уле-Александр. – Расти большой и сильный, сможешь мне толкать коляску на прогулке.

– Мне кажется, сейчас время вкусенького, – сказал дед. – Посмотрим, что нам наколдуется.

Он помахал руками и снял с головы Уле-Александра апельсин. Потом ещё поводит руками и выудил второй апельсин из передничка Иды.

Монс следил за фокусами широко открытыми глазами. А вдруг этот старик сумеет наколдовать апельсин и для него тоже? Ничего вкуснее апельсинов Монс в своей жизни не пробовал. От одной мысли о них рот наливался слюной! Монс подошёл вплотную к фокуснику. Тот с серьёзным видом покачал головой. А потом проворно сунул руку Монсу в свитер и вытащил апельсин и на его долю тоже. Остался один Пуф.

– Ну что, дружок, для тебя я тоже кое-что припас. А ну-ка, разверни! – И дедушка дал Пуфу маленький свёрток. Пуф повозил его по полу, помотал мордой, наконец разорвал обёртку и нашёл косточку.

Дедушка сидел и болтал с ними, пока не пришла мама. На ней лица не было от усталости. Чуть живая, бледная, она как вошла, сразу села.

– Ты сейчас что думала делать? – спросил дед.

– Обед приготовить.

– Ну нет, – твёрдо сказал дед. – Ты пойдёшь ляжешь, а обед сделаем мы с Уле-Александром и позовём тебя к столу, когда всё будет готово. Что варить на обед?

– Рыбный пудинг с картошкой, – сказала мама.

Монс с Идой попрощались и ушли, а дед и Уле-Александр взялись чистить картошку.

– Давай добавим морковку, – предложил дед, – она оживляет пейзаж. А пудинг запечём, тогда можно обойтись без соуса – с ним я не справлюсь. А что за лужа на полу? Петра, это ты напрудила? За вами, малышами, глаз да глаз нужен. Переодень-ка её.

Уле-Александр развернул полотенце и огорчился. Оттого, что Ида её искупала, Петра посерела и вид стал жалкий.

– Петру уже не справишь, – грустно сказал Уле-Александр деду. – Посмотри, что с ней случилось. Она никогда не высохнет.

– Это мы ещё посмотрим. Ты уж постарайся, старушка, – сказал дед Петре, завернул её в платок и повесил над плитой. – К утру будет сухая, как порох, – добавил он для Уле-Александра.

Обед получился очень приятный, мама села со всеми за стол и была ничуть не уставшая. Ложась вечером спать, Уле-Александр долго смотрел на детскую колыбельку. А потом стал играть, как будто Кроха уже там лежит! Он сказал ей так:

– Баю-бай, засыпай. Ты сегодня ездила с мамой далеко. Видела много машин. Бип-бип, так машины разговаривают, да? А теперь я спою тебе песенку, и ты заснёшь.

И он спел песенку, которую они с мамой сочинили – колыбельную для Крохи.

– Наша Кроха поела,
Наша Кроха устала,
Кроха, теперь засыпай, баю-бай.
Есть мама у Крохи,
Есть братик у Крохи
И папа. Теперь засыпай, баю-бай.

КРОХА ПОЯВЛЯЕТСЯ НА СВЕТ

Мама с Уле-Александром завтракали на кухне. Утром мама была усталая, поэтому папа поел один и уже ушёл на работу.

– Кроха уже скоро родится, – сказала мама. – Я уеду от тебя на несколько дней. Ты поживешь у деда с бабушкой. Здорово, да?

– Почему ты не можешь остаться дома? Я сам буду ухаживать за Крохой. Я отлично натренировался на Петре.

– Ты будешь мне помогать, когда я вернусь домой. Но сначала я поеду в роддом. Это такая клиника типа больницы. Там тоже есть доктор и медсёстры.

– Ты заболела? – в ужасе спросил Уле-Александр.

– Нет. – Мама помотала головой. – Но Кроха, пока была в животе, выросла довольно большая. Пока она будет выбираться наружу, это немного больно, поэтому хорошо, чтобы рядом были врачи и медсёстры и помогали мне. Так было и когда ты родился. Но ты родился, и думаешь, я помнила, что мне было больно? Нет, я была счастлива, любовалась тобой и думала только о том, чтобы поскорее вернуться домой и показать тебя папе и всем-всем. Так же будет и с Крохой.

– Ты денёк там побудешь и вернёшься?

– Нет, думаю, это будет несколько дней. Я так долго носила Кроху, что теперь мне хорошо немножко отлежаться. Добавку хочешь?

– Нет, спасибо. Я съел булок сто, наверно.

– Пойду я ещё полежу, – сказала мама, – что-то мне неможется.

– Надеюсь, ты не простудилась опять? – спросил Уле-Александр.

Немного погодя мама крикнула:

– Сынок, можешь мне помочь? Позвони, пожалуйста, папе и попроси его как можно быстрее приехать домой. Кажется, мне пора в роддом прямо сегодня. Но нужно, чтобы он остался с тобой. Сними трубку, я продиктую тебе номер.

Уле-Александр побежал к телефону и поднял трубку.

– Гудит, – сказал он маме.

– Набирай: четыре-три-пять-три-шесть-три-два. Молодец. Когда девушка спросит дополнительный номер, скажи «восемнадцать». И это будет папин кабинет.

– Дополнительно номер восемнадцать. Это говорит Уле-Александр Тилибом-бом-бом. Мне надо срочно поговорить с папой.

Папа подошёл не сразу, но наконец Уле-Александр услышал его голос.

– Папа, приезжай скорей, чтобы попрощаться с мамой, пока она не уехала.

– А где сама мама?

– Она кричит мне, что я что-то должен сказать тебе, но я не понимаю, потому что ты сам кричишь мне во второе ухо.

– Мама хочет, чтобы я приехал?

– Да, как можно быстрее. Она не хочет оставаться дома, хотя, когда она в прошлый раз болела, я отлично за ней ухаживал.

– Буду сию секунду, – ответил папа, – я возьму такси.

– Это ужасно дорого! – сказал Уле-Александр, но папа давно положил трубку.

Десяти минут не прошло, папа уже входил в квартиру. Он потрепал Уле-Александра по голове и сказал, что он молодец, не растерялся и позвонил. Потом папа погладил маму по щеке и взял телефон. Позвонил в роддом и предупредил, что мама едет. Договорился с тётёй Петрой, что Уле-Александр сейчас придёт. Мама надела пальто, и папа сказал Уле-Александрю:

– Спустись, пожалуйста, к Иде и побудь там, я должен проводить маму. Когда я вернусь, мы с тобой пойдём где-нибудь поедим. У нас будет мужской ужин, потому что бабушка может взять тебя только завтра.

– Мама, ты разрешишь? – спросил Уле-Александр.

– Это мама и придумала. Я бы лучше сидел дома у телефона, но раз мама хочет, то сходим ненадолго. Она, возможно, считает, что мы не умеем готовить себе еду.

– Уле-Александр, приходи меня проведать в роддоме, буду тебя ждать. И заботься о Пуфе. Пока!

День стремительно двигался вперёд, по крайней мере поначалу. Уле-Александр погостил у Иды, потом пришёл папа, забрал его, и они пошли обедать в ресторан, как велела мама. В ресторане было много интересного. В большой комнате стояло без счёта маленьких столиков. За ними сидели люди и ели – одни мясо, другие рыбу или бутерброды.

– Видишь дядю в белом? Это официант. Он принесёт нам еду. Ты что хочешь – треску, селёдку или котлеты?

– Я лучше котлеты. Я их давно не ел.

Официант подошёл к их столику, и папа сказал:

– Нам пару котлет, спасибо.

– Не надо говорить «нам пару котлет», – заметил папе Уле-Александр, когда официант отошёл. – Можно ведь сказать вежливо: «Не будете вы так любезны принести нам...»

– Учту, – сказал папа. – Но видишь ли, тут говорят почти как в магазине. Мы здесь тоже покупаем и просто перечисляем, что нам надо.

«Наверно, это выйдет не очень дорого», – подумал Уле-Александр. Его немножко волновало, что папа сказал «две котлеты». Однажды он один умял пять штук, а тут две котлетки на двоих. Это каждому по одной. Бедный папа, он такой большой, разве он наестся одной котлеткой?

– Тебе полагается полторы, – сказал Уле-Александр.

– Полторы чего?

– Котлеты.

Уле-Александр считал, что он молодец – сам голодный, а делится с папой. Но папа сказал с улыбкой:

– Наверно, я захочу две, хотя я вроде не очень голодный.

– Котлеты только взрослым положены? – отважно спросил Уле-Александр. Он был потрясён – выходит, останется только смотреть, как папа поедает обе котлеты?

Официант принёс большое блюдо, на нём была гора котлет, штук восемь.

Уле-Александр даже глаза вытарачил, а когда официант ушёл, спросил папу:

– Тут сразу приносят с добавкой? Просишь мало, а дают много?

– Не очень тебя понял, – сказал папа. Он явно думал о чём-то своём.

– Ты сказал «две котлеты», а принесли сколько?

– Вот ты о чём. Я заказал две порции, они большие. Спасибо тебе, кстати. Очень мило, что ты хотел отдать мне половинку своей котлеты.

Папа всё время смотрел на часы. Съев первую котлету, он встал из-за стола и сказал:

– Я пойду позвоню и узнаю, как там мама. А ты, пожалуйста, ешь.

Уле-Александр послушно ел и смотрел на людей вокруг. Котлеты были очень хорошие, но не такие вкусные, как мамины, и у него уже саднило горло. Это оттого, что в котлеты положили слишком много перца. Вот бы добыть воды! Рядом сидел папа с двумя девочками. Он щёлкнул пальцами, и к нему подошёл официант. «Нам, пожалуйста, две газировки. И рассчитайте сразу».

Газировка стоит денег, ясное дело, а Уле-Александр без гроша. Но вдруг воду дают бесплатно? Он потёр пальцы друг о друга, но щелчка не получалось. Тут в другом конце зала сказали громко: «Официант!» – и официант подошёл к их столику.

И я так сделаю, решил Уле-Александр. Но одно дело – решить, другое – сделать. Сперва Уле-Александр прошелестел тихим шёпотом: «Официант». Потом он добавил громкости и сказал: «Официант». Очень странно, когда твой голос говорит такое вслух, но никто кругом опять ничего не услышал. Уле-Александр вспомнил, что мама всегда шутила: у тебя голос, как труба, когда ты на улице вопишь, я на седьмом этаже всё слышу!

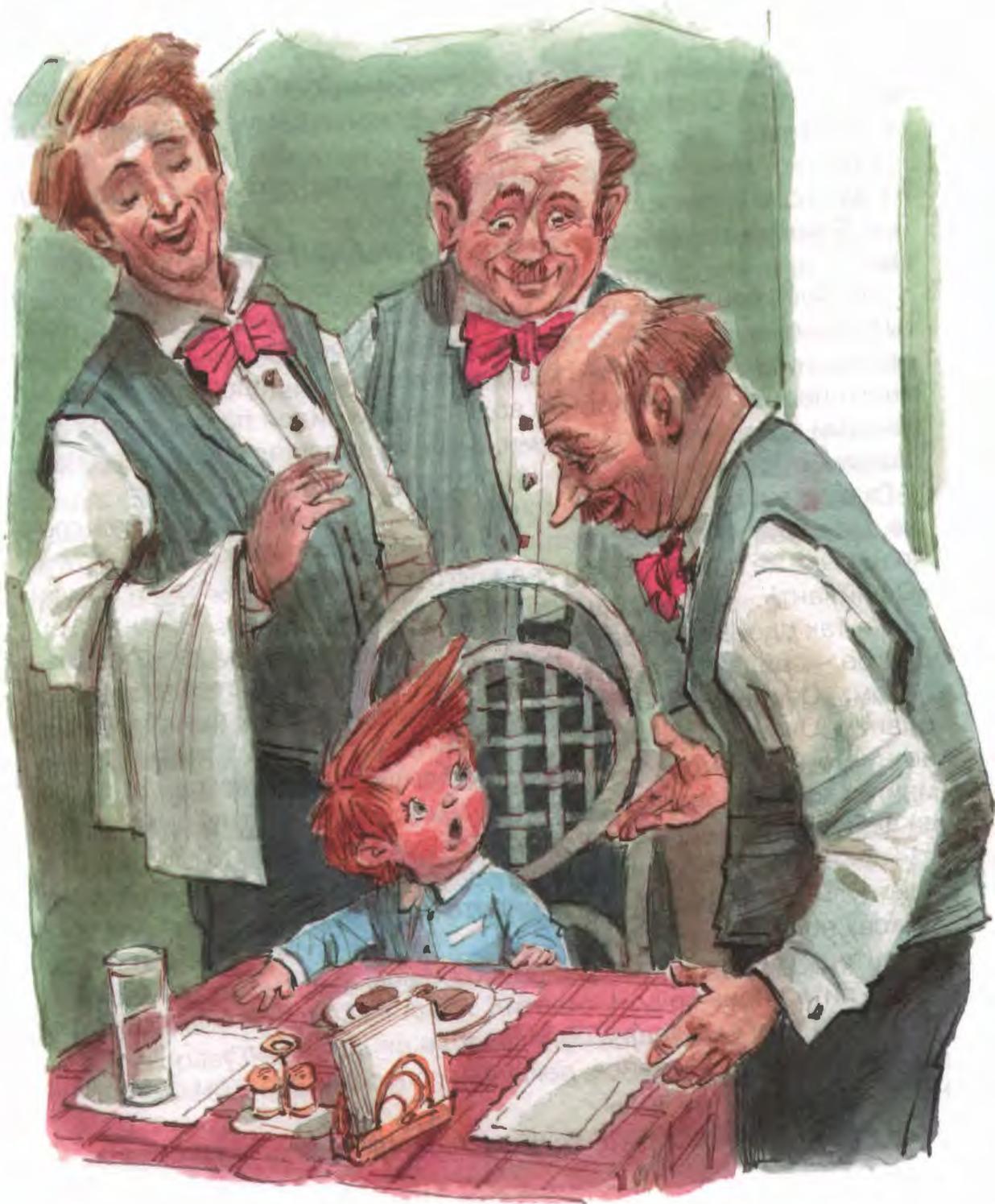
– ОФИЦИАНТ! – крикнул Уле-Александр так, что все гости подпрыгнули на месте, а три официанта наперегонки кинулись к нему со всех ног.

– Что случилось? – спросили они хором.

– Я пить очень хочу, – ответил Уле-Александр. – За воду надо платить? Я могу из чашки попить, если её легче мыть.

Официанты посмеялись, покачали головами, а потом один принёс большой стакан воды.

Папы не было очень долго, но он всё-таки вернулся и сказал:

– Никак не мог дозвониться до роддома. Видно, все папы тоже хотят узнать, как дела.

– Сядь поешь, – сказал Уле-Александр.

– Я больше не могу, – ответил папа. Он съел одну-единственную котлетку, на блюде ещё лежали три, потому что четыре свои Уле-Александр уже съел.

– Может, ты тоже заболел? Вид у тебя точно как у мамы за завтраком.

– Нет, всё со мной в порядке. Просто волнуюсь, девочка у нас родится или парень.

– Что будем с тремя котлетами делать? – спросил Уле-Александр. – Домой возьмём?

– Мы не можем взять, блюдо-то не наше, – объяснил папа.

Официант пришёл получить денег за обед, и Уле-Александр сказал любезно:

– Мы тебе оставим наши котлеты. Папа съел только одну, потому что он нервничает, девочка у нас родится или парень.

– Ещё бы он не волновался в такой день, – сказал официант.

– Лучше нам вернуться домой и быть на телефоне, – сказал папа. – Из роддома обещали позвонить, как только будут новости.

Уле-Александр надеялся, что дома-то папа поиграет с ним или поболтает, но папа ходил взад-вперёд по комнате, и было видно, что ему нехорошо.

Зазвонил телефон. Папа перепрыгнул через стул и схватил трубку.

– А, Марен, это ты. Нет, пока ничего не знаем. Мы позвоним, когда будут новости.

– Дай мне поговорить, – попросил Уле-Александр. – Привет, Марен. Мы пока тут, а завтра сюда не звони, я поеду к деду с бабушкой. До скорого!

Часы тикали, тикали. Стало уже восемь, Уле-Александр дремал на ходу, похоже, папа забыл, что уже час как время спать. Папа сегодня всё забывал. Только ходил по комнате туда-сюда. Скорей бы

уже телефон позвонил. Папа ждёт не дожждётся. Уле-Александр сел перед телефоном и стал его уговаривать: «Ну давай, телефончик, ну позвони уже, миленький». Ему пришлось долго телефон упрашивать, пока наконец он зазвонил.

Уле-Александр посторонился, и папа схватил трубку.

– Да, это я, – услышал Уле-Александр. – Девочка! О, спасибо огромное! А как мама себя чувствует? Всё хорошо?! Отлично. Благодарю за звонок, это очень любезно с вашей стороны. Да, да, мы придём утром. Ещё бы, конечно. Не извольте сомневаться. Привет ей от нас с сыном. До завтра!

Папа положил трубку, и Уле-Александр почувствовал, что его подняли под самый потолок.

– Уле-Александр, у нас девочка!!! У тебя сестричка родилась! Вот радость-то, правда? Пойдём поедим, я голодный как волк.

– Всё как мама говорила – когда Кроха рождается, все переживают, но потом веселятся и радуются.

На другой день Уле-Александр переехал к бабушке с дедом, но ровно в два часа за ним зашёл папа, и они отправились навестить маму. Папа принёс два букета. Большой и маленький. Большой подарит папа, а маленький – Уле-Александр.

Роддом оказался большим серым домом, но внутри всё было белое. Они поднимались по лестнице, и где-то заплакал ребёнок.

– Это наша Кроха кричит, – сказал Уле-Александр. – Думаешь, они с ней хорошо обращаются?

– Конечно, хорошо. Просто эти маленькие пупсы плачут по любому поводу – когда хотят есть, или спать, или объелись и живот болит.

Папа остановился перед дверью.

– Кажется, здесь, – сказал он, робко постучал и вошёл.

Уле-Александр крепко сжал букет и тоже шагнул за дверь. Маму он сначала не узнал, на ней была какая-то странная белая рубашка. Но мама заговорщицки ему подмигнула, и тут уж не осталось сомнений. Они долго с ней обнимались, и Уле-Александр, и папа,

потому что соскучились и радовались встрече, а мама улыбалась и говорила: «Спасибо, какие прекрасные цветы».

– Ты хорошо поела, когда Кроха уже родилась? – спросил Уле-Александр.

– О, ещё как. Я была голодная как волк. Весь роддом надо мной потешался, столько я съела.

– И мы с папой тоже. Мы умяли по большой яичнице каждый, хотя я на обед съел четыре котлеты. Папа только одну, потому что ему было нехорошо, но потом он поправился.

Папа стал расспрашивать, довольна ли мама уходом и порядками в роддоме, и Уле-Александр смог спокойно оглядеться. Где они прячут Кроху, интересно?

Или она такая маленькая, что он её не замечает? Он посмотрел на маму. Рассмотрел складки одеяла. Кинул взгляд на потолок и под кровать. Нигде нет!

Тут мама снова хитро посмотрела на него и спросила:

– Ты что-то ищешь, Уле-Александр?

– Кроху. Это ты её спрятала или она сама?

– Нет. Сейчас вы её увидите. Уле-Александр, она очень похожа на тебя маленького.

Папа вывел его в коридор и заговорил с нянечкой. Она сказала:

– Минутку. Конечно, вам хочется посмотреть на вашу девочку.

Она ушла и вернулась со свёртком. Наклонилась, чтобы Уле-Александр было видно. Среди одеяла и пелёнок он разглядел крохотную голову с чёрными волосами и ярко-красным личиком. Она зевала.

– О, – сказал Уле-Александр и потом долго молчал. – Домой её хоть можно забрать? – спросил он наконец.

– Нет, – ответила нянечка, – она должна быть со своей мамой.

– С моей мамой, хотела ты сказать, – поправил Уле-Александр. – Это моя мама родила её.

– Конечно, конечно, – сказала нянечка. – Думаю, когда малыш-ка поймёт, что ты её старший брат, она будет очень рада.

В палату обратно к маме Уле-Александр ворвался с криком:

– Скажи, ты моя мама?

– Конечно, – сказала мама и потрепала его по щеке. – Даже если у меня родится пять Крошек, я всегда буду твоей мамой.

– Так я и знал, – сказал Уле-Александр.

У ТЁТИ ПЕТРЫ

Мама вернулась домой, и в колыбельке поселилась Кроха. Первые дни Уле-Александр всё время бегал на неё смотреть. Иногда она лежала с открытыми глазами и смотрела на одеялко. Уле-Александр даже сам попробовал – поднял к глазам одеяло, но ничего не увидел, только глаза заболели.

Он не пропускал ни одного раза, когда мама переодевала Кроху. А после купания мама промакивала её полотенцем, а Уле-Александр посыпал присыпкой. Это ему очень нравилось. Ещё Кроха ела – она лежала довольная и весёлая и сосала молоко из мамы.

– А хлебушка ты ей не дашь? – спросил Уле-Александр маму. – Она же не может наесться одним молоком?

– Понимаешь, у неё пока нет зубов. Только родившиеся малыши всегда сначала пьют одно молоко. С тобой тоже так было.

– У неё нет зубов? – переспросил Уле-Александр радостно. – Тогда знаешь, что я сделаю? Вытряхну денег из копилки и куплю ей леденец на палочке. Пока зубов нет, она его не прокусит.

– Нет, милый, придётся тебе подождать давать ей другую еду. Она наедается молоком и прибавляет вес с каждым днём.

– Мам, скажи, странно, что каждый день приходит новый день?

– Ты прав, довольно странно. А какие у тебя планы на новый день?

– Я сейчас оденусь, зайду за Идой и позову её гулять.

– Ты отлично придумал, – похвалила мама.

Уле-Александр надел свой комбинезон и спустился на четвёртый этаж.

– Ида, привет. А ты знаешь, что такого дня, как сегодня, ещё никогда не было?

– Поздравляю с совсем новым днём! – сказала Ида. – Заходи, пойду спрошу тётю Петру, отпустит ли она меня гулять одну.

Идина тётя – Петра – была милая, приятная и такая чудная, что Уле-Александр готов был часами сидеть и просто наблюдать за ней долго-долго. Она была до того лохматая, что глаза едва виднелись из-под волос. Тётя Петра обожала рисовать, играть и петь, поэтому прибраться в доме ей всегда было недосуг. Здесь царил беспорядок, а когда тётя Петра хотела одеться, то поиски одежды неизменно превращались в яркое представление.

Но раз в неделю тётя Петра вела себя образцово. Ходила по дому с веником, совком и шваброй, всё мыла-подметала. В такой день к ней лучше было не подходить. Поэтому Уле-Александр всегда звонил в дверь с замиранием сердца – не угодил ли он на такой день?

Сегодня тётя Петра уборки не планировала, Уле-Александр обрадовался и смело вошёл.

– Конечно, я тебя отпущу, золотко моё. Когда ты с Уле-Александром, я ни о чём не беспокоюсь. Повезло тебе, у тебя очень надёжный кавалер! – Тётя Петра подхватила Уле-Александра под мышки и стала вальсировать с ним по комнате.

– Где мой комбинезон? – спросила Ида.

– Сейчас посмотрим, сейчас посмотрим. Я точно помню, что видела его, но где? Ребятки, помогайте мне!

Ида искала в коридоре, тётя Петра в ванной, а Уле-Александр обыскивал гостиную.

– Вот он! – завопил он. – Лежит на подоконнике!

– Точно, – сказала тётя Петра. – Ида, и надень тёплые сапоги. Где-то я их видела... Ага, точно, вон лежат под обеденным столом. Скажите, я здорово всё помню?

Тётя Петра была очень горда собой.

Ида встала на четвереньки и слезила под стол за своими сапогами.

– Теперь шапка, шарф и варежки.

– Шапку и шарф я нашла. Они лежат на месте, на комодке. Но варежек там нет.

– Куда они могли деться? Ума не приложу. Давайте сядем и вместе подумаем.

Они сели за стол и стали втроём думать, но ни у кого не было ни малейшей идеи, где могут лежать варежки.

– Придётся искать наудачу, – сказала тётя Петра. – Без варежек Ида идти не может.

Они прочесали гостиную, ванную, по второму разу осмотрели коридор, подоконник и окно, где лежал комбинезон, и тогда только сообразили, что варежки должны болтаться в рукавах комбинезона. Но увы, их там не было.

– Пошли на кухню, – сказала тётя Петра.

Уле-Александр выдвигал один за одним кухонные ящики, Ида смотрела в шкафу с продуктами, тётя Петра – в духовке. Но варежек не было нигде.

– Что ж я такая беспорядница, – вздыхала тётя Петра. – Ида, бедная ты, ну и глупая тётка тебе досталась.

– Никакая ты не глупая, – сказала Ида и обняла тётю Петру изо всех сил. – Мне нужна такая тётя, а не другая!

Обнимая тётю, Ида подняла глаза на кухонную полку – а там среди кастрюль что-то краснело!

– Вон варёжка! Вижу!

Тётя Петра тоже подняла глаза на полку с кастрюлями и крышками.

– Вспомнила! – радостно сказала тётя Петра. – Я вчера не могла найти прихватку и взяла твою варёжку. Но это одна.

– А я знаю, где вторая! – закричала Ида. – Мы вчера играли в снежки, она угодила на люстру и там висит!

Тётя Петра принесла стремянку и полезла за варёжкой.

– Ида, теперь ты тепло одета с ног до головы и можешь гулять долго. А у меня будет день уборки, чувствую я. Уле-Александр, как твоя мама добивается, чтобы твоя одежда лежала по местам?

– У меня два крючка в коридоре. На них написано «Уле-Александр».

– Ага. Понятно. Ладно, давайте бегите.

Тётя Петра уже вооружилась веником, так что пора было уносить ноги. Но они не успели выйти на площадку, как тётя Петра крикнула:

– Я не могу найти свой зонтик. Похоже, забыла в магазине. Не в службу, а в дружбу – сбегайте и спросите, не находили ли его. Я была в молочном, бакалее и хозяйственном на площади. Зонтик синий с белыми цветами и чёрной ручкой. Если найдёте – сюрприз каждому.

– Давай начнём с молочного, тётеньку там мы знаем, – предложил Уле-Александр.

В магазине была очередь, ребятам пришлось ждать. Наконец они очутились перед прилавком, и Уле-Александр спросил:

– Мне зонтик, пожалуйста.

– Я зонтиками не торгую, ты ошибся, малыш.

– Тётя Петра забыла вчера свой зонтик в магазине. Мы подумали, вдруг это в вашем магазине?

– Нет, ребятки, это не у меня. Сходите в другой магазин.

Они пошли в бакалею, и там тоже сумели задать продавщице вопрос, но и она зонтика не видела. Оставался хозяйственный. В нём Уле-Александр был всего однажды, а Ида вообще ни разу.

– Давай ты спросишь, – предложил Уле-Александр.

– Нет, ты, – сказала Ида.

Они некоторое время препирались, стоя перед магазином, потом Уле-Александр сказал:

– Мы просто войдём и встанем. Продавец сам догадается, что мы ищем синий зонтик.

– Угу, – кивнула Ида, – здорово придумал.

В хозяйственном не было покупателей, но здесь оказалось столько интересного, что глаза разбегались. Швабры, веники и щётки, вёдра, ковши, черпаки, кастрюли, сотейники, сковородки, кружки и бумажные скатерти. В магазине было не повернуться, всюду что-то стояло или лежало – на прилавке, на полу, на крючках под потолком. Уле-Александр с Идой как вошли, так и крутили головами, всё рассматривая.

Продавец подождал немного и спросил:

– Что угодно?

Уле-Александр изо всех сил думал о синем зонтике. Сейчас продавец услышит его мысли. Но тот сказал уже нетерпеливо:

– Что вы хотели купить?

– На улице дождь, – ответил Уле-Александр, чтобы помочь продавцу. Где дождь, там и зонтик.

– Да, льёт как из ведра. – Ида решила прийти на помощь Уле-Александру и тоже старалась изо всех сил.

– Того и гляди наводнение начнётся, – продолжал Уле-Александр.

– Вы дразнить меня пришли? – рассердился продавец. – Похоже, вы хотите унести весь магазин с собой.

– Нет, мы пришли за зонтиком, – сказал Уле-Александр. Лучше уж сказать как есть, а то этот продавец заподозрил в них воришек, которые того и гляди стащат у него все веники и вёдра.

– Я зонтами не торгую, – сказал продавец. – И вы всё равно не смогли бы купить зонтик, он дорогой, а у вас денег нет.

– Мы не собирались покупать, а просто хотели забрать, – объяснила Ида.

– Идина тётя Петра думает, что забыла свой зонтик тут. Она заходила вчера, – сказал Уле-Александр.

– Нет здесь никакого зонтика. Хотите, сами прилавков осмотрите.

– Моя тётя страшная растеряша, она могла положить зонтик где угодно, – добавила Ида.

– Можете поискать, но чтобы всё осталось на своих местах.

Ида проверяла свисавшие с потолка швабры. Уле-Александр, привстав на цыпочки, осматривал полки. В магазин вошла старушка.

– Мне надо ковшик, уголь черпать, – сказала она.

– Пожалуйста, – ответил продавец. – Есть блестящие, есть чёрные. Вам какой?

– Блестящий, – сказала старушка, – вот такой.

И она приподняла ковшик с полки.

– Господи, в нём что-то лежит. Зонтик. Он прилагается к ковшику?

– Нет, это тётин зонтик! – закричала Ида.

– Подождите. Спрячьте пока зонтик, сначала я их спрошу. Какой зонтик потеряла тётя?

– Синий с белыми цветами и чёрной ручкой, – отрапортовала Ида.

– Верно, – кивнул Уле-Александр.

– Всё сходится, – сказал продавец. – Забирайте, и до свидания.

Ида и Уле-Александр взяли зонтик вдвоём и вышли из хозяйственного магазина.

Дома из-за двери на четвёртом этаже доносился стук. Как будто тётя Петра что-то приколачивала.

– Интересно, чем она занимается? – спросила Ида и нажала на звонок.

Дверь приоткрылась, и тётя Петра высунула голову.

– А, это вы. У меня здесь секрет, Уле-Александр, нельзя заходить.

– Угадай – мы твой зонтик нашли?

– Нет, конечно. Я его потеряла. А он такой хороший, новенький. Жалко. Но так мне и надо, растеряше.

– Держи, – сказал Уле-Александр, – вот он.

– А, какие вы молодцы! Настоящие друзья! Вам полагается приз, как я обещала, но я отдам его завтра. До свиданья, Уле-Александр, Крохе привет.

– Спасибо, – сказал Уле-Александр.

На другое утро рано-рано зазвонил телефон. Это оказалась тётя Петра.

– Уле-Александр, не хочешь прийти и опять взять Иду?

– Конечно, – сказал Уле-Александр и повесил трубку.

– Наверно, она хочет, чтобы я помог Иде одеться, – объяснил он маме. – Одеть Иду очень трудно, потому что они долго ищут её одежду.

– Надо вам помочь тёте Петре с порядком, – сказала мама. – У неё столько дел, что голова кругом. Конечно, ей за всем не уследить.

Тётя Петра открыла ему дверь с очень хитрой улыбкой. Она быстро провела его по коридорчику в гостиную и крикнула:

– Ида, одевайся скорее! Уле-Александр пришёл позвать тебя гулять!

– Одеваюсь! – крикнула в ответ Ида.

Трёх минут не прошло, как она вошла в гостиную полностью одетая, в шапке, варежках и с шарфом.

– Ты так быстро нашла всю одежду? – изумился Уле-Александр.

– Пойди в коридор посмотри, – сказала тётя Петра гордо.

В коридоре везде были прибиты крючки. На одной стене с надписью ИДА, на другой – ТЁТЯ ПЕТРА.

Ида

тётя Петра

- Ничего себе порядок! – восхитился Уле-Александр.
- Это приз Иде за зонтик, – сказала тётя Петра. – А вот твой приз, Уле-Александр.

Это оказалась настоящая картина. И на ней было нарисовано, как тётя Петра стоит на стремянке и достаёт с люстры варежку, а Ида лезет под стол за сапогами, и Уле-Александр тычет пальцем в комбинезон на окне.

– Я подумала, что картинка тебя повеселит. Это на память, потому что у нас, надеюсь, станет больше порядка с этими крючками.

– Конечно. И маме с папой тоже будет интересно посмотреть. Они никогда не видели твоего настоящего беспорядка, потому что перед их приходом ты всегда прибираешь.

– А когда Кроха подрастёт, будет на неё любоваться, – сказала Ида. Тётя Петра захохотала, у неё даже в горле забулькало.

Отсмеявшись, она сказала:

– Всё. Идите гуляйте. Уле-Александр, можешь пока оставить картинку. Возьмёшь потом, когда будешь идти домой.

– Нет, я её сразу заберу.

– Может, ты и прав, – сказала тётя Петра. – Крючки мы повесили, но нет гарантии, что я куда-нибудь картинку не засуну.

– Вот и я так думаю, – сказал Уле-Александр Тилибом-бом-бом.

ГОСТИ

– **С**егодня я хотела позвать в гости дедушку, бабушку и тётушек – посмотреть на Кроху, – сказала мама. – Хорошо я придумала?

– Очень, – обрадовался Уле-Александр. – У нас так давно гостей не было.

– Тогда ты должен мне помочь, – сказал папа, а то я до вечера на работе. Ты будешь следить, чтобы Пуф не ревновал.

– Что такое ревновать? – спросил Уле-Александр.

– Понимаешь, Пуф привык, что дедушка играет только с ним и тётушки с ним шутят и болтают, но сегодня может так выйти, что все слишком увлекутся Крохой и забудут о Пуфе. Пожалуйста, ты его гладь почаще и разговаривай с ним побольше, пусть он всё время чувствует, что мы любим его, как раньше.

– Хорошо, за этим я прослежу, – сказал Уле-Александр. – Только чур я буду всем дверь открывать.

– Договорились, – сказал папа.

Гости ожидались к пяти, а в половине пятого Уле-Александр отнёс свой маленький стульчик в коридор и занял пост. Он хотел открыть дверь по первому звонку.

Оказалось, что ждать долго, но Уле-Александр строил приятные планы, чем они с гостями займутся, и не скучал. Они с дедом обязательно сыграют в «Людо», но для начала надо показать им Кроху. Пусть полюбуются, а потом он покажет им, как он прыгает с самого высокого стула на кухне, и предложит сыграть в жмурки, но на это они могут не согласиться.

Он услышал шаги на площадке и распахнул дверь раньше, чем раздался звонок.

Это пришли тётушки.

– Привет, привет, Уле-Александр. Поздравляем с сестричкой, старший брат! Ты доволен? Она по ночам не кричит?

– Да вроде нет, – сказал Уле-Александр.

Пока тётки снимали пальто, пришли бабушка с дедом.

– Привет, Тилибом-бом-бом, – сказал дед. – Как поживает наша девочка?

– Нормально, – сказал Уле-Александр.

Прибежал Пуф и стал махать хвостом, но все так суетились, снимая пальто и расспрашивая о малышке, что забыли с ним поздороваться. Но Уле-Александр помнил, о чём его папа попросил.

– Пуф, хороший пёс, иди ко мне, – позвал он. – Пойдём к тебе на место. Не обращай на них внимания. Они скоро о тебе вспомнят. Не ревнуй. Просто им не терпится посмотреть на ляльку.

Может, они таких малышей ещё не видели. И думают, что она всё время спит или что она размером с кроватку. Мы-то на неё всё время смотрим и всё про неё знаем.

Все скрылись в спальне, Уле-Александр сидел с Пуфом и всё гладил и гладил его. Гости пропали в комнате. Пуф заснул, убаюканный Уле-Александром, а сидеть и сторожить его сон нужды не было.

Уле-Александр тихо поднялся и пошёл в спальню.

Все стояли вокруг колыбельки и разговаривали шёпотом.

– Какая сладкая, – сюсюкала тётя Лиза. – И волосики уже есть. У Уле-Александра не было. У-тю-тю, какая красавица! Ты видела, она мне улыбнулась?

– Нет, это живот болит, и она гримасничает. Она ещё не умеет улыбаться.

– А сосёт она хорошо? – спросила бабушка.

– Да, даже слишком, – ответила мама. – Она очень быстро вес набирает. Но пойдёмте на кухню, не будем её разгуливать, пусть поспит. А после сна её надо переодеть, тогда посмотрите.

Они сели пить кофе, и Уле-Александр обрадовался. Теперь они могут поговорить с ним тоже, он расскажет и покажет, что собирался. Но нет. Они и за столом говорили только о малышке, как часто надо её кормить и менять подгузник.

– Я ем трижды в день, например, – сказал Уле-Александр. – А иногда чаще, чтобы поднять настроение.

– Мы тоже, – кивнула тётя Марен, – но с малышами всё иначе. Они выпили кофе и встали.

– Я пойду её переодену, если хотите, идите посмотреть.

Все ринулись следом за мамой. Дедушка оказался проворнее всех и сам вытащил Кроху из колыбельки.

– Бюси-бюси-бюси, – ворковал дед. – Какая у нас хорошая девочка, какая красавица. Тебе не нравится мокрой лежать, да? Сейчас мы тебя переоденем.

– Какие у неё малюсенькие пальчики, – умилилась тётя Лиза. – Смотри, она вцепилась деду в палец. Какая лапочка!

– Иди ко мне, моя хорошая, сейчас мама снимет с тебя всё мокрое, – сказала мама сладким голосом.

– Смотрите, она брыкается! – вскрикнула тётя Лиза.

В общем, об Уле-Александрe и думать забыли.

«Надо мне их удивить, чтобы они обо мне вспомнили», – подумал он, прыгнул на папину кровать и стал кувыркаться.

– Смотрите на меня! Смотрите! Чемпион мира выполняет кувырок!

– Тсс, не шуми рядом с малышкой, – сказала тётя Марен.

– Малышам важен покой, – добавил дед.

Уле-Александр сделал вид, что ничего не слышал. Они же не всерьёз шипят на него таким сердитым голосом? Они же раньше его любили. Особенно дед. Мама говорила, что дед любит Уле-Александра больше всех на свете.

– Пиу-пиу-пиу! – загудел Уле-Александр. – Пожарная машина мчится на пожар! Дорогу! Посторонитесь! У вас горит? Будем через две минуты. Да, наверно, потушим. Пиу-пиу-пиу!

– Уле-Александр, веди себя нормально, – сказала тётя Лиза. – Если не можешь помолчать, лучше выйди.

– Это у вас пожар? Ш-ш-ш-ш – заливаем его. Всё, залили. Привет, мы помчались дальше, тушить другие пожары. Пиу-пиу-пиу!

– Всё, Уле-Александр, хватит. Перестань. Ты же сам всегда следишь, чтобы тут не шумели, – сказала мама.

Ага, мама тоже на него сердится. Уле-Александр бросился вон из спальни.

За спиной он услышал голос тёти Лизы:

– Надо же, какой противный стал Уле-Александр.

Больше он слушать не стал и побежал дальше.

– Он не противный, – объясняла мама, – просто он переживает, что вы не обращаете на него внимания, не говорите с ним, заняты только малышкой. Он не привык делиться вашим вниманием. Он вас очень ждал и радовался.

– Ты права, – сказал дед, – мы вели себя глупо. Я так увлёкся малышкой, что совсем с ним не поговорил. Пойду с ним потолкую, а вы тут занимайтесь Крохой.

Но на кухне Уле-Александра не оказалось. Дед пошёл дальше, в ванную, гостиную. Уле-Александра не было нигде. Дед заглянул во все шкафы, чуланы и закричал:

– Уле-Александр, ты где спрятался, дружок?

Никто не ответил. Поискав ещё, дед заглянул в спальню и спросил, не знают ли они, где Уле-Александр.

– Нет, – с тревогой ответила мама, – а ты его не нашёл?

– Всё обыскал, нет его.

– Мне надо кормить Кроху, но вы ищите пока. А в другой раз нам надо быть внимательнее к Уле-Александру, чтобы он не чувствовал себя лишним.

Уле-Александр выскочил из квартиры и пробежал всю площадку. К глазам подступали слёзы, Уле-Александр надеялся, что сможет не расплакаться, но почти ничего из-за глупых слёз не видел.

К Иде идти он не хотел. И вообще ни к кому не хотел. Он мечтал спрятаться, чтобы его никто не нашёл. А эти пусть толпятся вокруг малышки и шикают...

Он скатился вниз по лестнице. Жаль этот красивый высокий домик, он по-прежнему любит Уле-Александра, тут сомнений нет, но ничего не поделаешь.

Хоть Уле-Александр и был очень расстроен, но на улице не забывал смотреть под ноги и по сторонам. Он бежал в парк.

Шуметь рядом с Крохой не надо, это он и сам знает и часто шикает на родителей, если они слишком громко разговаривают, когда ей пора спать. Но почему они не могли один разок посмотреть, как он кувыркается?

Всё, больше он не хочет об этом думать. Сядет на скамейку и будет смотреть, как красиво падает снег. Снежинки кружатся, точно танцуют.

Холод пробирал до костей. Из дома Уле-Александр убежал в домашней кофточке. А если он насмерть замёрзнет? Вот тогда они узнают. Ещё будут жалеть, рыдать в голос, что забыли своего маленького Уле-Александра Тилибом-бом-бома. Он сам чуть не расплакался от этих мыслей. Кроха, наверно, тоже расстроится, хотя

она ни при чём. Она ж не виновата, что все столпились вокруг неё и разглядывают. Небось всё так и стоят и тетёшкуются. Вряд ли ей это полезно. Мама говорит, что малышам нужен покой. Тем более Крохе кормиться скоро. Она так уютно и тепло устраивается у мамы на руках.

Его снова стало знобить от холода. Он оглянулся на высокий красивый дом. Тот светился всеми окнами, как будто подмигивал. Кажется, дом хочет сказать: «Уле-Александр, приходи ко мне обратно!».

Но видеть остальных Уле-Александр не хотел. К ним он не пойдёт. Он спрячется под лестницей на первом этаже. Там есть такое хитрое тёмное местечко, там его никто не найдёт. Это он ловко придумал.

Уле-Александр вбежал в подъезд, нырнул под лестницу и сел там. О, как хорошо и тепло! Его ещё трясло, стучали зубы, но он подтянул коленки к носу, спрятал лицо в ладонях, и стало гораздо теплее.

А на седьмом этаже уже перевернули вверх дном всю квартиру, разыскивая Уле-Александра. Дед даже проверил все полки в кухонных шкафах, но увы – никакого Уле-Александра.

– Он мог к Иде пойти, – сказала мама и позвонила тёте Петре. Нет, Уле-Александр к ним не приходил.

Тут они услышали шаги на лестнице и кто-то вставил ключ в замок.

– Вот и он, – сказал дед. Он был так расстроен, что до этого ничего не говорил.

Но это оказался не Уле-Александр. Наконец вернулся с работы папа.

Он начал весело здороваться с гостями:

– Простите, что я так припозднился. Сегодня было очень много работы, пришлось задержаться, чтобы всё доделать. Но всё, ни слова больше о работе. Я вас сто лет не видел.

Все молча с ужасом смотрели на него и ничего не отвечали.

– Что стряслось? На вас лица нет.

– Мы не можем найти Уле-Александра, – сказал дедушка. – Он огорчился и, наверно, обиделся, что мы совершенно забылись, только смотрели на малышку, а с ним не разговаривали.

– Пуф, – позвал папа, – пошли искать Уле-Александра.

Папа дал Пуфу понюхать варешку Уле-Александра, пёс повёл носом, обнюхал пол и выбежал на площадку.

Папа хотел ехать на лифте, но Пуф потянул его на лестницу. На первом этаже Пуф стал суетиться и рыскать по углам. Он как будто не мог решить, остаться ему в подъезде или бежать на улицу. Наконец он выскочил за дверь и стремглав помчался в парк. Папа насилу поспевал за ним. Пуф покружил вокруг скамейки, развернулся и полетел назад в дом. Он почти стлался по земле, часто-часто вилял хвостом и сразу нырнул под лестницу.

«Мышку выследил», – подумал папа.

Но Пуф нашёл не мышку, а маленького мальчика. Сидя, скрючившись, он спал под лестницей.

Уле-Александр проснулся оттого, что кто-то взахлёб лижет его в нос, и лоб, и щёки.

– Пуф, это ты? Тоже сбежал? Ты, что ли, ревновал?

– Сынок, – позвал папа, – вот ты где. Мама ужасно переживает, дед так расстроен, что молчит и ничего не говорит.

Папа взял его на руки и понёс в лифт, Пуф скакал как мячик и пытался лизнуть его в ухо.

– Хороший пёс, умница, – похвалил его папа, – нашёл нашего мальчика.

Дома никто не стал приставать к нему с расспросами, но мама сказала:

– Уле-Александр, как хорошо, что ты пришёл. Кроха не засыпает, пока ты не споешь ей песенку. Лежит и кричит, потому что тебя нет.

Уле-Александр ушёл с мамой в спальню. Он не смотрел на маму. И петь у него не получалось.

Наконец он сказал:

– Я чуть было не замёрз насмерть. Жалко, что так не вышло. Скажи?

– Уле-Александр, можно я что-то тебе расскажу? – сказала мама. – Ты думаешь, мы с папой радовались, когда ты родился?

– Не знаю, – ответил Уле-Александр. – Уж точно не так радовались, как из-за Крохи.

– Мы очень радовались. Мы от счастья совсем голову потеряли. Чуть не дрались из-за того, кому тебя переодевать или укачивать. А когда ты был такой, как Кроха сейчас, ты мне первый раз улыбнулся, и я от счастья расплакалась, а папа ходил гордый и рассказывал всем, что его сын улыбнулся. А когда мы первый раз вышли с тобой гулять, папа всю прогулку засовывал в коляску голову, чтобы послушать, дышишь ли ты и всё ли у тебя хорошо.

– Конечно, я дышал.

– Я пытаюсь сказать тебе одну важную вещь – мы полюбили тебя с первой секунды и с каждым днём любили тебя только сильнее, и сейчас так же. Мы любим тебя не меньше, а ещё больше и больше.

– Как больше – как целый мир? – спросил Уле-Александр.

– Да, – сказала мама.

Кроха заплакала.

– Можешь спеть ей колыбельную? – попросила мама. – А я пойду к гостям.

Уле-Александр склонился над кроваткой и запел колыбельную, но Кроха не спала. Она лежала и как будто бы рассматривала Уле-Александра.

– Я твой брат. Я всегда буду с тобой, буду защищать. Понимаешь?

Кроха не отрывала от него глаз – и вдруг улыбнулась! Не во весь рот, но это была настоящая улыбка. Даже глаз почти не видно стало, так хорошо она улыбнулась. Потом она зевнула и уснула.

Уле-Александр на цыпочках вышел из комнаты, но в коридоре, плотно закрыв дверь, он закричал:

– Она улыбнулась! Кроха мне улыбнулась!

– Тогда ты первый, кому она улыбнулась. Значит, Кроха очень тебя любит, – сказала мама.

– А мне не стала улыбаться, – сказал тётя Марен.

– Меня-то она знает, – объяснил Уле-Александр.

– Кто будет играть со мной в «Людо»? – спросил дед.

– Я! – закричал Уле-Александр.

Он сидел у деда на коленях, было так хорошо и радостно, что он почти забыл, как убегал.

Ничего странного, что они так любовались его Крохой, она самая милая малышка в целом мире.

СОДЕРЖАНИЕ

УЛЕ-АЛЕКСАНДР ТИЛИБОМ-БОМ-БОМ

Уле-Александр Тилибом-бом-бом	7
В парке	14
В цирке	21
Уле-Александр на хозяйстве	29
Уле-Александр первый раз гуляет один	37
Рождественские подарки	44
С горы на снегокате	53
Уле-Александр находит друга	60
Индейцы	66

ЗАБОТЫ И ХЛОПОТЫ УЛЕ-АЛЕКСАНДРА

Ключ	77
Свадьба	86
У зубного врача	95
Ковбой	105
Званный ужин	114
Секрет	122
Кроха появляется на свет	131
У тёти Петры	140
Гости	147

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

ВЕСТЛИ Анне-Катрине
УЛЕ-АЛЕКСАНДР И ЕГО ДРУЗЬЯ

Повести

Ответственный редактор *А. Ю. Бирюкова*
Художественный редактор *Ю. В. Разумеева*
Технический редактор *С. А. Грачёва*
Корректор *Т. С. Дмитриева*
Компьютерная вёрстка *Н. А. Козель*

Подписано в печать 15.01.2021. Формат 84×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Pragmatica».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,6.
Доп. тираж 4000 экз. D-VES-26793-02-R. Заказ № 130.
Дата изготовления 15.02.2021.
Срок службы (годности): не ограничен.
Условия хранения: в сухом помещении.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Machaon
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции,
предназначенной для детей и подростков».

Книги знаменитой норвежской писательницы Анне-Кат. Вестли знают и любят во всем мире. Она написала много веселых, добрых книг для детей, но особенным успехом в нашей стране пользуются ее истории про папу, маму, бабушку, восемь детей и грузовик. Именно в них появляется Уле-Александр – одноклассник Магса, с которым они вместе пасли корову Розу и замечательно проводили время.

В книге «УЛЕ-АЛЕКСАНДР И ЕГО ДРУЗЬЯ» вы прочитаете много новых историй о том, как он жил в самом высоком доме в Осло еще до знакомства с Магсом и его большим семейством.

ЕАС

* Ранее эта книга выходила под названием «Уле-Александр Тилибом-бом-бом».